

КАТЛИН
МЁРРИ

БОЖОК НА БИС

РОМАН

Катлин Мёрри

Божок на бис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70109920

Божок на бис: Фантом Пресс; Москва; 2024

ISBN 978-5-86471-949-7

Аннотация

Седьмой сын седьмого сына, Фрэнк Уилан с нетерпением ждет, когда целительский дар, переданный ему отцом, тоже седьмым сыном седьмого сына, явит себя в полную силу. Династия Уиланов и в наши дни славится этим даром не только в Карлоу и его окрестностях, но и в соседних ирландских графствах. Однако в большой семейной истории и всяких загадок бывает немало, и Фрэнку, чтобы разобраться с собственным призванием и кое-какими личными пунк тиками, предстоит сперва поискать ключи от родовых тайн – в чудных местах, диковинными способами и с помощью старых и новых друзей.

У Катлин Мёрри получилась та самая Ирландия, по-прежнему пропитанная старой магией и населенная чудаками и мудрецами, какую так любят по всему миру, в которую стремятся попасть бесчисленные поклонники всего ирландского. Живые непосредственные голоса ирландской глубинки, дороги в холмах и над морем, предельно тонкая граница между живыми и мертвыми, говорящий и поющий мир вроде бы неприметных мелочей – во все это “Божок на бис” погружает нас с первых

же страниц. Катлин Мёрри, мастерски ведя все сольные партии в этом необычайно музыкальном романе, приглашает пережить бесшабашное приключение, в котором зачарованные окольные шоссе и проселки Ирландии ведут и героев, и читателей вглубь времени – и в их собственную глубину.

Содержание

Начнем же бегин	6
Мне нужны вы	15
Держать равновесие	30
Без обману	45
Излечение пацана	59
Возвращение Бати	68
Шестой сын седьмого сына	81
В доме любовь	89
В чем ключ?	95
“Барахлавка”	103
Конец ознакомительного фрагмента.	115

КАТЛИН

МЁРРИ

Катлин Мёрри **Божок на бис**

Для моих родителей Нэнси и Олли

Kathleen Murray
The Deadwood Encore

Copyright © 2022 by Kathleen Murray

© Шаши Мартынова, перевод, 2023

© Андрей Бондаренко, 2023

© “Фантом Пресс”, издание, 2024

Начнем же бегин

И нам вдруг становится ясно,
До каких вознеслись мы вершин...¹

Так говорил Перри Комо, боевой товарищ в вечном хоре седьмых сыновей, и так говорим мы все. Поезд преодолевает границу графства и бежит к моему старому родному городку, а перестук железных колес выпевает “начнем же бегин давай бегин давай бегин”. Наводит меня на мысль – так же, как с незримой черты начинается любое селенье. Такова же в некотором смысле всякая повесть. Начинать с чего повесть о силе и величии любви и всей прочей дребедени?² Более того, как распознать концовку? Вот вопрос на миллион долларов. Потому что стоит начать, как – вернее некуда – устремляешься к концовке. Но никак не узнать всю концовку целиком, покуда она себя не явит. И дальнейшее уж не в наших руках. Лучше меня об этом никто не скажет – с учетом при-

---

¹ Строки из песни *Begin the Beguine* (1935) американского композитора-песенника Коула Артура Портера; эту песню исполняли, среди прочих, Фрэнк Синатра, Элла Фицджералд, Перри Комо и Элвис Пресли. Бегин – музыкальная и танцевальная форма, похожая на медленную румбу. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Отсылка к песне Франсиса Лэ на слова Карла Сигмена из американского кинофильма “История любви” (*Love Story*, 1970) режиссера Артура Хиллера.

скорбной моей кончины: не стало меня, насколько сам я могу судить, 2 сентября, четыре года назад, и пережили меня жена моя Джози, широко известная как Матерь, и семь здоровых отпрысков. Последние мгновенья в человеческом теле я провел, слетая с горбатого мостика с сыном моим Мосси за рулем рядом, и матерился он, как сапожник.

Теперь меня, так сказать, вернули. Но не себе самому. Я обитаю в маленькой деревянной фигурке. Чудная у меня теперь точка обзора. Оказавшись на моем месте, кое-что начинаешь видеть, примечаешь кое-какие подробности, но нет у тебя никакой воли, чтоб ее изъяснить. Никакой воли, да и, что важней, никакого желания. Повинуешься причудам чего угодно, что б тебя ни захватило. Сейчас вот меня захватили звуки этого поезда, а сам я лежу себе среди пожитков племянницы моей Лены. Ну-ка за мною в Карлоу, вяжите ленту желтую, еду я домой³.

Скажу я вам истину, на которой мы выросли. Вы, может, слыхали такое: Карлоу знаменито тем, что именно здесь прибили последнего волка в Ирландии. А знать вы про то можете, потому что есть такая Волчья ночь – ночь музыки и плясок, когда все лопают зеленый лук⁴ и учиняют всякое бала-

---

³ Слияние строк из двух песен: *Follow me up to Carlow*, музыка народная, слова ирландского поэта-песенника Патрика Джозефа Маккола и *Tie a Yellow Ribbon Round the Ole Oak Tree* (1973) американских поэта-песенника Ирвина Левина и композитора Расселла Брауна.

⁴ Графство Карлоу с начала XIX века было оплотом ирландского сельского хозяйства и особенно славилось посадками зеленого лука; в графстве устраивают

ганство.

Балаганство – это мое такое слово. Не ведаю, то ли из ниоткуда я слова таскаю, то ли надувает мне их откуда-то, бо слова не шибко мне знакомые выются над головой у меня пыльной тучей. Складываются ли они там сами, чтобы вышла повесть, или пролетают насквозь по пути к совсем другой цели? Так или иначе, куда или зачем, разницы толком никакой.

Такой вот урок в любом разе усвоил я хорошенько, пока был молодой. Когда мне досталась от отца моего целительская сила, ни разу я не задумался ни про зачем, ни про как – просто принял как есть. На ум мне приходит Фрэнк, мой младший, седьмой сын. Вечно обо всем тревожится, каждое новое беспокойство – что камешек в озеро, сплошь круги по воде бегут и бегут во все стороны, пока Фрэнк сам себя не изведет напрочь.

Унесло меня из этого мига в поезде обратно к тому последнему волку, будто мой дух и его друг другу братские. Я видел его яснее некуда: поджарый зверь, бродил он по лесам в обход площадки учителя танцев в парке “Ошинь”, где смердело человечьим духом. И прочь, вверх по склону горы Лейнстер, наискось до каменистого выступа, откуда видать Бунклоди⁵. Никаких у этого малого границ в голове, одни

соревнования по поеданию зеленого лука на скорость, а также спортивные команды из Карлоу в Ирландии обиходно называют “лукоедами”.

⁵ Бунклоди – городок на границе графств Карлоу и Уэксфорд в 32 км к юго-востоку от города Карлоу.

только тропы, каким следовать, да запахи, по каким идти. Последняя трапеза у него, последняя вечеря. Самая вкуснятина из всего, что едал он, – скажем, взрослый кролик.

Испускает он одинокий вой. Ждет, не прилетит ли ответ, – может, еще один самец бродит по землям Лиишь или Уэксфорда, а может и того лучше – томительный клич самки, откликом его острой жажде. Ждет, замер, голова вскинута, уши плашмя назад, готов повернуть и унести в любую сторону. Низко слетает сипуха, врывается в его поле зрения, шорох в вересках неподалеку: мелкое зверье старается сделатьсь мельче, недвижимей. Тишь. Волк бродит в остатках тьмы до утра, до последнего своего рассвета. Возвращается к себе в логово.

Тут как раз просыпается Джон Уотсон, сколупывает иней с козлиной шкуры, какой затянута у него окошко, смотрит, что за день нынче задастся. День в Баллидартоне 1786 года ясный, и Уотсон готов попытать удачу да взять верх над заклятым врагом, что донимает его скотину. Два его волкодава еще спят, дрыгают во сне лапами, прочерчивая узоры в золе у очага.

Тому волку невдомек, что закончится на нем династия, восходящая к тем временам, когда густо было на острове от дубов и вязов. Как и всю предыдущую историю, эту ее часть мы тоже причешем, последние часы волка просты: проснуться, размять затекшие члены, полакать талой водицы. С удовольствием помочиться на древесный ствол, пустить лужу на

промерзшую почву. А следом лай псов в воздухе – замереть, прижавшись к земле, качаются над головой ветви ели.

Чудно мне оказаться в давешней той истории, в самой гуще ее. С тех пор, как ушли мои часы, я потерян во времени – и все же вот он я, обживаю волчью шкуру на золотой миг-другой. Поди знай, я б мог тут застрять навеки.

Теперешняя моя планида, уж насколько могу я судить, – оказываться вброшенным в некие места. Я целиком в них, однако ж над ними и вне их одновременно. Я всё и сразу: я уши того волка, внимаю рыку охотничьего пса; я цепкость инея на древесном листе; я легкость золы, что сыплется сквозь решетку очага. Сердце мое – небо, усыпанное звездами. Вот так чтоб уловили вы: ни у чего нет для меня ни начала, ни конца. Чудная это катавасия, вечность в чистилище.

И вот уж бросает меня совершенно в другую сторону, но я остаюсь при этом на том же месте. Есть самая малость таких душ, которые, упомяни при них Карлоу, выловят совсем другую картинку, извлекут ее из глубин серого вещества. Первое электрическое освещение улиц – не с города ли Карлоу началось оно?

Это факт, а мы говаривали, что факты – твой лучший друг. Хоть я и в наилучшем положении, чтоб это оспаривать, ушедши далеко за пределы факта жизни и смерти, как их обычно понимают.

1891-й – год, когда запело в проводах электричество. Провода тянулись между деревянными столбами, деревья для

них валил в лесах близ Страдбалли⁶, доставлял на возах и вкапывал их не кто иной, как Патрик Уилан, прапрадед вашего покорного. Широко известный как Патта. Ну и вот он, отважный Патта – лес валил будь здоров как, сам себе гильотину городил, профессионально говоря, насколько я могу судить. Потому что прежде той поры служил он городским фонарщиком. Мало что о нем известно, о третьем-то сыне. Или, может, четвертом. Все неприметные в нашей семье, куда не доберется она до волшебного седьмого номера.

* * *

Началом конца ему то электричество было. Перемены он принял к сведению – уехал на Ньюфаундленд. Надо двигаться, а если замрешь – застрянешь.

Заезжал ради какой-то встречи в город сам Парнелл⁷ и в итоге стал почетным гостем при зажиганье огней. Символ новой свободной Ирландии, объявил Парнелл. Начало для Карлоу поры залитых светом улиц и конец источника пропитанья для Патты. С такими вот незадачами в жизни и сталкиваешься. Протаптываешь дорожку в одну сторону, а ветер дует целиком и полностью навстречу. Двигаешь на север, а

---

⁶ Страдбалли – городок в графстве Лииш в 26 км к северо-западу от Карлоу.

⁷ Чарлз Стюарт Парнелл (1846–1891) – ирландский политик-националист, лидер Ирландской парламентской партии (1882–1891) и Лиги домашнего правления (1880–1882).

оказываешься лицом к югу. Мысли у меня тянет то туда, то сюда, как аккордеон, но надо вести рассказ, а потому уловлю-ка я себя за штаны и двину к дому.

Заявлю еще кое-что такое, чтоб уж точно держать флаг Карлоу гордо и наособицу от непримечательных прочих графств. Есть и еще одна причина, почему Карлоу на полморды впереди и распахивает локтями Лонгфорд и Роскоммон, отмечает мелюзгу Лут и Лейтрим. На поле близ города Карлоу расположен самый увесистый дольмен континента Европа.

Да-да, по дороге к Кернанстауну, на склоне холма, на самом виду, по-простому и незатейливо, три здоровенных валуна; эти три держат на себе убойный четвертый, уравновешенный в дюйме от крушения. Дольмен Браунсхилл⁸.

Что правда, то правда, тут не как в Слайго, где, говорят, и дорогу-то не перейдешь, не споткнувшись о какой-нибудь мегалитический склеп. Или вот взять Мит, например. Стоишь в очереди, чтоб уловить волшебный луч, тянущий золотые свои пальцы вдоль коридора в Ньюгрейндже, а сам при этом совсем рядом – камень добросить можно – от древнего холма Тары⁹.

То ли дело в Карлоу. Один громадный дольмен. Будь здо-

---

⁸ Дольмен Браунсхилл расположен в 4 км к востоку от Карлоу.

⁹ Ньюгрейндж (ирл. *Sí an Bhrú*, ок. 2500 до н. э.) – мегалитическая коридорная гробница в графстве Мит в 40 км к северу от Дублина в долине реки Бойн. Тара (ирл. *Teamhair na Rí*) – известняковая возвышенность на реке Бойн в графстве Мит в 32 км к северу от Дублина, считается местом древней столицы Ирландии.

ров какая усыпальница. Крышка – сотня тонн с мелочью, говорят. Точно определить трудно, потому как на весы его не бросишь, но люди, сведущие в этих делах, подтверждают молву. Чтоб собрать такой дольмен, пришлось поднатужиться. Мы ничего не делаем тят-ляп. Но и не переусердствуем. Построили один, оставили его в покое, поехали дальше.

Начало – и окончания. Как потроха любой повести. Мне всегда казалось, что дело это довольно незатейливо: рассказываешь, попросту излагая начало, середину и конец. Или, если есть у тебя талант, может, записываешь пером на бумаге. Но теперь-то я увидал, что дорог в повесть и из нее ой как много. В странном я тут положении: и перо я, и бумага, и чернила, что из пера на бумагу бегут, и око, что смотрит на это, и ум, оживляющий черно-белую плоскость до зрелища. “Оживлять” – вот еще слово, с которым я в предыдущей жизни знаком толком не был. Но так оно и есть. Стоит только взяться рассказывать что-то, как получается, будто открывается дверь и тем самым оживает прошлое и создается будущее. А про настоящее и думать забудь – оно исчезает. Никак не меньше. Трудно описать даже себе самому, но из всех этих турусов должна возникнуть некая повесть. Думал я, что добрался до конца, как это бывает, когда умираешь, думал, все, что случилось потом или не случилось, ко мне уж никакого касательства не имеет. А теперь вот мне интересно, конец ли это моей повести или начало чьей-то еще? Или все мы переплетены где-то в середине, что длится себе и длится?

И нам вдруг становится ясно,
До каких вознеслись мы вершин,
Когда начинают бегин...

Мне нужны вы

Вторник, разгар дня, у нашего заднего крыльца возникает смазливая молодая ван¹⁰ с худосочным щенявым пацаненком.

– Миссис Уилан дома? – спрашивает.

– Не, – говорю. Глазеет на меня так, думаю я, будто на бороде у меня куриным карри намазано или еще что не так. Ну, на всякий случай тру подбородок и нос, а малявка давай повторять за мной.

– Вернется скоро? – говорит.

– С Матерью никогда не знаешь. Сама себе ветер вольный.

– Я насчет лечения. – Стоит, поправляет сумку. Ремень от сумки немножко оттягивает ей ворот, и видно ключичную косточку. Уж очень она ровная, косточка эта.

– Вообще-то вам нужен я, – говорю и следом чувствую, как от мысли, что, может, предстоит руку к этой девушке приложить, краснота прет мне вверх по шее. Ну, не прямо к девушке, а в паре дюймов над тем местом, где у нее там болезнь. – Мать все больше по духам-проводникам, гаданью на заварке и всякому такому.

– Я неправильно поняла, значит. Чего б не попробовать все равно, раз уж мы здесь. Лишай можем?

---

¹⁰ Ван (искаж. от ирл. *ban*) – женщина; в ирландском при добавлении определенного артикля к слову *ban* оно превращается в *bhan* и читается “ван”.

Лишай и в лучшие-то времена – дело хитрое, а я все еще жду, когда они настанут, те лучшие времена. Говорят, у отца дар целиком проявился уже к пяти годам, а его отец умел вывести из человека заразу, мазнув большим пальцем левой руки, к десяти годам. Мой прадед никаких признаков не показывал вплоть до шестнадцатилетия, а после мог Лазаря из могилы поднять. В смысле, если смерть Лазаря хоть как-то связана была с неполадками кровоснабжения. Я не бросал надеяться до своих восемнадцати, но тот день рождения случился два года назад, а я по-прежнему вожусь с бородавками и случайными сыпями. Вот бы жив был Батя, чтоб меня направить.

– Шик. Заходите, – говорю. – Он в основном где? На животе часто случается.

– Это не у меня, – говорит, а сама зыркает сурово. – У него. На ноге.

– Я еще бородавки могу, пока вы тут, – говорю, чтоб себе как-то почву подготовить. – Если у ребенка есть. На руках?

Мальчонка поглядывает на мать с сомнением.

– Конор, покажи дяде руки.

Пацан дерет пальцами в воздухе, как тигр.

– А ну хватит.

Он выпрямляет пальцы, протягивает мне сперва средний, следом остальные. Грязные ногти, на большом пальце имеем заусенчатость, но бородавок не наблюдается.

– Все вроде чисто. Хотя они иногда бывают скрытые.

– Скрытые бородавки? – переспрашивает вроде как с любопытством.

– Ага, – говорю, стараясь не очень-то выделяться. – Это вроде как моя тема. В данное время. Специализируешься на чем-то, а потом расширяешь охват.

– А.

– Если, допустим, я был бы по суставам, чинил бы колени и плечи. Бедра. – “Бедра” выходят слишком напористо, будто я про них думаю. – Или вот был бы ухо-горло-носом.

Они оба глазеют на меня, и ум велит мне уже, блин, заткнуться, а рот все равно:

– Ну, смотришь, что проявится, что возникнет – постепенно. У каждого поколения по-своему, нипочем не угадаешь. Вы, видать, слышали про моего Батю, Билли Уилана, он знаменитый был по части всякого пищеварительного, по кожным болезням, в целом боль облегчал. Вообще-то всего понемногу. Теперь много чего ожидается от иммунной системы, это новая область. В некотором смысле. Хотя, ну, сенная лихорадка, она всегда была. И всякое такое.

– Бородавки? – она мне.

– Ага.

– Любые бородавки? – говорит.

– Ага.

– Генитальные?

– Что за херня?

Она меня пришивает взглядом.

– Что за выражения. – Кивает на мальчика, тот сковыривает корочку с локтя.

– Это не по моей части, в общем-то, – говорю.

– Ну, – говорит, – ни по чьей это части, если прикинуть. Так что там с лишаем?

Я отвожу ее в гостиную – кухня у нас бывает в каком угодно состоянии.

Она показывает место у пацана под коленкой. Выставляю руку, держу на весу, закрываю глаза. Обычно думаю о футбольных счетах или вычисляю вероятность какого-нибудь события, но сегодня вспоминается мне тот случай, когда я спросил Батю, нет ли у него в голове, когда он лечит, каких-нибудь особых слов. Он рассмеялся, но какова настоящая молитва, не сказал, просто запел – что-то про тронуть листок или про небо, про младенческий плач.

– Ну-ка допой, Фрэнк, – сказал он.

Я эту песню от него слышал миллион раз, а потому запрокинул голову и выдал мощно:

– “Верю я”¹¹.

– То-то и оно, сынок.

В другой раз, после того как он при мне человек пять или шесть принял, со всяким-разным – язва на ноге, сыпь, тик, –

---

¹¹ *I Believe* (1953) – популярная композиция американских авторов-песенников Эрвина Дрейка, Ирвина Эбрахама, Джека Менделсона и Эла Стиллмена, звучавшая в исполнении многих музыкантов, в том числе Луи Армстронга, Элвиса Пресли и Перри Комо, но наиболее известна в исполнении итальяно-американского певца и композитора Фрэнки Лэйна.

я спросил:

– Что ты приговариваешь, Бать? Каждый раз разное?

Он глянул на меня так, будто я репей у него на штанах.

– Я приговариваю “прочь с дороги, я иду”.

– Ты это кому говоришь? Ноге? Богу?

– Я не то чтобы с ним постоянно разговариваю. Но если б разговаривал, я б сказал: “Помечтай же со мной, я на пути к звезде...”¹²

И тут он разразился в полный голос. Из всех певцов Перри Комо он предпочитал из-за похожей их истории: оба седьмые сыновья, наделенные даром. Может показаться, что я в таком случае должен быть его любимым сыном, я ж тоже седьмой и все такое. Но нет, любимцем был Берни, мой брат-близнец. Они вечно хороводились вместе, плясали по дому да пели.

Я открываю глаза, оба они таращатся на меня, и женщина, и малец ее. Я, кажись, счет времени потерял.

– Силен он, – говорю. – Погодите-ка.

Приношу с кухни тряпицу – Мать старый халат порезала на квадратики. Прежде чем вернуться, выжимаю на ткань чуток лимонного сока. Лимонный сок у Матери в большом фаворе. Ко всему она его применяет – к волосам, к чистке кухонных приборов, к локтям, ко всему на свете. Никаких внятных причин считать, что оно и с лишаем поможет, но не по-

---

¹² *Dream Along With Me (I'm On My Way To A Star)* (1956) – песня американского композитора и поэта-песенника Карла Сигмена, наиболее известна в исполнении Перри Комо.

вредит уж точно.

– Попросите его треники спустить?

Вид у мальчишки делается негодующий.

– Расслабься, – говорю пацану. – Я не педо. В личной жизни у меня строго одни женщины, от восемнадцати до двадцати шести.

К моему верхнему пределу я вообще-то никогда близко не подбирался, но, сдается мне, женщине у нас тут должно быть где-то лет двадцать пять, если судить по этому пацану.

– Это к коэффициенту интеллекта или к возрасту требование? – она мне, а сама такой взгляд мне устраивает, что от него бородавки отмерзнут быстрее, чем от жидкого азота.

Тру тряпицей лишайное место.

– Что это? – спрашивает пацан.

– Реликвия вроде как. Семейная, с давних пор.

– Пахнет освежителем воздуха, – она мне, а сама нос морщит.

– Пахнет лимонными леденцами, – добавляет пацан, преувеличенно принюхиваясь.

– Ага, мы ее держим в особом ящике лимонного дерева. Жуть какое лютое. Три дня подряд нужно приходить. Буду дома около шести и завтра, и в среду.

Она поджимает губы, словно прикидывает другие варианты. Чего тут думать? Скорее всего, прежде чем явиться к нам, она любые прочие способы уже опробовала – у большинства так.

– Ладно, – говорит.

От мысли по новой огрести ее ехидства у меня внутри чудная дрожь. Хер с ним, если лишай не сведем, – этот мост я перейду, когда до него добе-русь.

– До завтра, стало быть, – говорит.

Мы выходим из гостиной, я слышу, как скрипит задняя дверь. Это Мать, пришла переулками небось. Я поспешно выпроваживаю мамашу с ребенком из парадной.

Пока она шагает по дорожке, я ее окликаю:

– Не уловил вашего имени.

Не поворачиваясь, она мне:

– Джун.

Выходит за калитку, наперстянки и турецкие гвоздики – “милые уильямы”¹³ – клонятся над дорожкой, едва не касаясь ее бедер. Джун. Июнь. А сейчас май. Июнь в мае. Как реклама.

Мать просовывает голову в прихожую.

– Думала, ты на работе.

– На этой неделе я рано, – говорю. – Скверный случай лишая.

Мать одаряет меня взглядом, который сообщает мне,

---

¹³ У английского названия турецкой гвоздики (*Sweet William*) множество толкований, ни одно из них не имеет подтверждения; по разным предположениям, цветок назван в честь Уильяма Шекспира или святого Уильяма Йоркского или даже Вильгельма Завоевателя. Также “Милый Уильям” нередко встречается в английских народных балладах о молодых влюбленных, например в балладе “Прекрасная Маргарет и милый Уильям”.

что она думает о месте лишая на шкале страдания человеческого.

– На лесопилке затишье, – говорю. – Похоже, скоро опять на полставки перейду.

Замечаю, что Джун оставила на тумбочке пятерку. Мать, когда гадает или с духами беседует, всегда выкатывает целую тронную речь о том, что никак не может она брать деньги, но если человек хочет оставить пожертвование, она не против. Разводить все эти тары-бары мне лень, обычно я прямиком говорю, исходя из того, сколько – на глаз – человек готов дать. Но на Джун, если б у нее не оказалось никаких наличных при себе, я б давить не стал. Или, хуже того, если б я ничего не добился. Сую купюру в карман. Мать обращивается быстрее некуда, взглядом обшаривает тумбочку. Поздно, Мать. Достаяю из кармана мелочь, подхожу к банке с пожертвованиями. Бросаю в нее два евро. Мать глаз с меня не сводит. Копаюсь в карманах, извлекаю еще одну монету в два евро, бросаю и ее. В итоге мне за труды достается один евро и еще две встречи с Джун. И с пацаном, и с его лишаем. Лучше б бородавки – мне было б куда спокойнее.

Прохожу мимо своего отражения в зеркале в коридоре, провожу рукой по черепу. Волосы лежат немножко как попало. Отчего-то на ум мне приходит Берни. Сегодня утром, на бегу к “каванаховскому” автобусу¹⁴ до Дублина, как он тряс

---

¹⁴ *JJ Kavanagh and Sons* (осн. 1919) – крупнейшая в Ирландии частная компания пассажирских автобусных перевозок, одна из первых на острове. Маршрут

шевелюрой. С тем же успехом мог бы неоновую вывеску носить на голове: “Г-Е-Й”.

– Выпьем чаю, – говорит Матерь.

Усаживается за кухонный стол. Я сажусь напротив, кладу руки ладонями вниз, как когда-то Батя.

– Чайник не поставишь? – она мне.

Снова встаю, наполняю чайник. Вожусь с кружками и молоком, садиться не сажусь.

– От брата ничего не слышно? – она мне.

– Нет.

– Не вернулся еще. Должен был сесть на автобус в 4:30, но трубку не берет.

– Может, опоздал. Всяко ж может на “Бус Эрэн”¹⁵ сесть.

– Ты ничего последнее время не замечаешь?

– А что?

– Берни сам не свой, Фрэнк. Очень его мотает.

А заметил я, что для парня, которому нравится развлекаться, он как-то притих. С тех пор, как бросил колледж, тусоваться стал меньше. Иногда, бывает, в Килкенни сгоняет, каких-то новых дружбанов там себе завел, но и все на том. Ну и, может, немножко скрытный стал.

– Чуток потише он, это да.

“Карлоу – Дублин” – № 736, дорога занимает примерно два часа.

¹⁵ “Бус Эрэн” (*ирл. Bus Éireann*, осн. 1987) – ирландская государственная компания пассажирских автобусных перевозок, обслуживающая многочисленные маршруты по всей республике за исключением Дублина и дублинских ближайших предместий.

– С чего он такой, как думаешь? – И смотрит на меня, вся из себя пронизательная.

– Может, химическое неравновесие какое-то в мозге.

– Ай, Фрэнк.

– Ну, это ж на нем написано. Либо летает, либо ходит снулый. – И, не добавляю я вслух, он день ото дня все больше гей, если это вообще в силах человеческих. – Может, ему доучиться?

– Не тем у него голова занята, чтоб учиться в колледже. Говорили, он всегда сможет вернуться, когда будет готов. Ему даже на второй год оставаться не придется, всего-то один-два предмета повторить.

Не понимаю я, чего он ушел. Когда Батя умер, Берни слегка съехал с катушек, но в школе остаться все-таки смог, выпускной свид отсидел¹⁶. Я не понимал, зачем это все. Бывали утра, когда я из постели вылезти не мог от усталости, какое уж там школьную форму натянуть. В итоге сколько-то проболтался в мастерской у дяди Мурта, чинил мебель кое-какую, помогал ему ключи вытачивать и обувь чинить. Погодя устроился на лесопилку, а Берни поступил в колледж Карлоу на айтишника.

Матерь ловит прядь волос и вся из себя такая изящная подтыкает ее себе под головной убор. Эта женщина просто

---

¹⁶ Имеется в виду экзамен на выпускное свидетельство (*The Leaving Certificate Examination*, ирл. *Scrúdú na hArdteistiméireachta*, с 1925) – аналог современного российского ЕГЭ.

рождена для сцены. Понравилось ей с недавних пор носить что-то вроде тюрбана. А поскольку спереди она прицепила на него здоровенный кристалл, все это сооружение то и дело наползает ей на лицо.

– Мне звонил Мурт, – она мне. – У него Лена возвращается.

– Я думал, он ее насовсем выпер. Ежовые рукавицы и все такое.

– Нет, она в итоге оказалась, не знаю, в какой-то общине в Майо. Но возвращается домой. По уши в искусстве теперь. Забрала себе в голову дикую затею взять Муртову мастерскую да переделать под галерею.

Карлоу – город некрупный, держаться подальше тут не очень-то выйдет, особенно от родни. Час от часу не легче: то Берни с его метаньями, а теперь еще и Лена с ее выкрутасами нарисовывается.

– И что Мурт думает?

– Она дочь ему, и это ее дом. Как ни крути, семья есть семья.

Дядя Мурт – мужик что ни есть приличный. Когда брак у него распался, Джанин, жена его, замутила с каким-то объездчиком лошадей в Нейсе¹⁷ и забрала Лену с собой. Лена выросла среди больших игроков, мелких жокеев и продувных букмекеров. Когда ее вышвырнули из третьей школы – отправили обратно Мурту. Зачем было совать ее ко мне

---

¹⁷ Нейс – столица графства Килдэр.

в класс, сплошное позорище: она курила сигариллы вместо обычных сиг и не снимала кепку даже на физре.

– Постараюсь заглянуть к нему на неделе.

– Было б здорово, Фрэнк. – Мать выпускает долгий вздох и кивает на чайник. – Это еще не всё.

– А еще что? – говорю, а сам кипячу воду еще раз, мочу чайные пакетики. Копаюсь в буфете, нет ли где печенья.

– Надо нам воздавать друг другу по справедливости, – она мне. – В семье.

А вот это уже розовые пони другого оттенка. Я усаживаюсь. Чтоб как-то подготовиться к тому, о чем она толкует, вцепляюсь в ложку и сосредоточиваю на ней всю свою энергию – как Ури Геллер¹⁸.

– В семье?

Я пытаюсь сообразить, к чему она клонит. После несчастного случая с Батей в доме осталось всего трое: она, я и Берни. Остальные четверо пацанов в Австралии, а Мосси подался в духовное странствие, в каком ему не полагается пользоваться техническими средствами. За вычетом редких открыток он вообще не на связи.

– Что-то происходит, сын, чувствует мое сердце. Когда вашего отца не стало, я думала, может, кто-то из ребят вернется, но они уехали с концами. Может, рано или поздно объявится

---

¹⁸ Ури Геллер (р. 1946) – израильский фокусник, иллюзионист, мистификатор, прославившийся на весь мир в 1970-е, сгибая металлические ложки силой взгляда.

Мосси. И вот эта тема с Берни и с тобой... – Тут она умолкает и смотрит на меня в упор. – Что есть, то есть. Надо двигаться вперед.

О чем она, блин? У Берни депрессия, пора ему взять свою задницу в кулак. Найти работу или вернуться в колледж. Делов-то. Как только дар проявит себя во всей красе, я готов облачиться в мантию седьмого сына седьмого сына. Чуток веры в меня у моей же семьи был бы очень кстати. И тут пищит ее телефон.

– Слава Богу. – Матьерь глубоко выдыхает. – Это Берни. Его подбросит сюда какая-то девушка, он с ней в Дублине познакомился. Домой, наверное, приедет поздно.

Тру держало у ложки, а она все равно прямая, как дышло, не гнется нисколечко. Вижу в хлебале свою голову, размытую и перевернутую. Двигаю ложку, и глаза у меня в ней делаются то крупнее, то мельче.

– Ты витаешь где-то, – говорит Матьерь.

– Ничего я не витаю. Если ты про деньги, то сколько-то смен на лесопилке я все же беру. Как только целиком проявится дар, источник заработка это будет хороший. Я знаю, Батя не любил брать за это деньги, но у людей сейчас больше достатка, и...

– Я не об этом, Фрэнк. Я просто вот о чем...

Звонит ее телефон. Она принимает звонок – это Сисси Эгар, ее лучшая подружка. Живет прямо через выпас, они друг дружке при желании могут докричаться, но при этом

вечно висят на телефоне. Сисси – портниха и вшивает молнии, она знает мерки буквально каждого человека в городе. Мать кивком дает мне понять, что разговор у нас пока окончен.

Я задумываюсь: Джун со своим пацаном завтра опять придет. Надо устроить все так, чтоб вернуться с работы в приличное время и успеть сгонять в душ. Надеюсь, лишай не сделается хуже, иначе смотреться я буду как лох какой-то.

Целительство должно, по идее, передаваться от отца к седьмому сыну само собой; может, сроки сдвинулись из-за того, что Бати не стало так внезапно. Запорол передачу, так сказать. Я всегда представлял себе, как пойду по его стопам – как люди раньше заявлялись к нам на порог и доверяли свое здоровье и надежды в Батины руки. Куда ни пойдешь, хоть в паб, хоть на матч какой-нибудь или еще куда, люди ничего напрямую не говорили, но почтение к тому, что он делал и какое давал облегчение, – оно было у них на лицах. Я, бывало, представлял, как сам принимаю их благодарность, типа такой смиренный, точно как Батя. И вот сейчас у меня обычный случай лишая. Проще простого же должно быть – и будет. Но вот бы чувствовать внутри больше уверенности, что я могу это вылечить.

Подношу ложку к лицу, пока она не накрывает мне глаз. Чайная ложка как раз подходящего размера. Такая простая хрень, чтоб сахар ею брать, а все равно ею можно по неосторожности глаз себе выцарапать. Мать протягивает руку и

выхватывает у меня ложку, да как стукнет аккурат по костяшкам. Пора.

Держать равновесие

Утро среды на лесопилке, жду не дождусь перерыва, чтоб залить в себя кружечку чаю. Берни вчера завалился домой глухой ночью и, как водится, устроил на кухне тарарам. Хорошо хоть я сам по себе на вилочном погрузчике, перевожу струганую елку в цех, вполне справляюсь.

Пол-одиннадцатого, ребята в столовке дуются в вист. Пытаются втянуть и меня, но чаю я хочу попить спокойно. Сажусь рядом со Скоком Макгратом, смотрю, как он свою руку разыгрывает. В картах круче моего дружбана Скока нет никого, особенно если ему ничего ценного не выпадает. Нипочем не угадаешь, плечи у него без балды расслабленные. Он это повторяет все время: расслабь плечи, а потом жарь по полной. Доигрывают они партию и дальше просто баклуши бьют.

– Что расскажешь, Уилан?¹⁹ – Скок затейливо тасует карты, аккордеонит колоду так и сяк.

– Да ничего.

– А Берни чего? Мутит интересенькое?

Если б кто другой спросил, я б решил, что человек кости хочет перемыть. Любит народ чужие дела полоскать. А вот

---

¹⁹ Что расскажешь? (от ирл. *Cad é an scéal?*; букв. “Какова байка?”) – разг. “Как дела?” или “Что (у тебя) происходит?”, заимствовано из ирландского в гиберно-английский.

Скоку не жалко и ответить. Он чуть ли не как брат – и мне, и Берни. Мы росли вместе, все трое в один класс ходили. Пока мы со Скоком не свалили нахер.

– Да я понятия не имею через раз, чего он там вообще мутит, – говорю. – Сидит целыми днями у себя в комнате, занавески задернуты, как сыч. А потом спускается в кухню, рюкзак набит невесть чем, и валит в Дублин или еще куда. На днях видал у него под кроватью парик.

– Парик? У него с волосами что-то не то?

– Нет. Он сказал, что это какого-то его друга, который где-то на сцене играет.

Дверь в столовку открывается, и босс Деннис топает к кофемашине. Вид у него затурканный. Скок заглатывает остатки чая, собирается на выход.

– Тебе девчонка Джун не попадалась? – говорю ненапряжно. – Длинные такие волосы каштановые, лет двадцать с чем-то, малявке ее лет пять-шесть?

– Это которая у букмекеров работает, на Туллоу-стрит?

– Не знаю.

В букмекерскую контору “Туз” я, бывает, заглядываю. Но если Джун там работает, как вышло, что я ее раньше не замечал? Чтоб я ее увидал и не почуял то, что почуял вчера, – быть того не может. Потому что если может, значит, вчерашнее ничего не значит. Начинают закрадываться сомнения.

– Ты чего? – Скок мне. – У тебя вся физия аж обвисла, как, блин, мешок с котами, в колодец опущенный.

– Ничего.

От цехов доносится гудок, натягиваем рукавицы.

– Ребята выпить потом собираются, – говорю. – Пойдешь?

– Нет, думал сгонять сегодня в Ати²⁰. Лось слышал, там какая-то команда металлическая играет у Фицпатрика. Он от двоюродного из Уотерфорда получает годную дурь.

– А до Ати как добираться будешь?

– Я ж говорил, Рут попросила меня присмотреть за домом, пока они на Канарах. У Кита новый “лексус” во дворе.

– Они тебе дают на “лексусе” гонять?

Очень маловероятно. Сестрица его Рут – до таких высот заносчивая задница, что зубы может чистить не через рот. Выделяется так, будто не в одном районе с нами росла, со Скоком обращается как с паршивым душком. Но, видать, они теперь хоть разговаривают друг с другом.

– Да не то чтоб, но я знаю, где ключи брать. Дэвид, их младший, разводит рыжих хомячков этих русских, я ему обещал за ними приглядывать. Сказал, может, придется везти беременную хомячиху по “скорой” в ветеринарку.

– По “скорой”?

– Они на своих детенышей иногда нападают, убивают их. Ну он и сказал, где ключи.

– Рискованно немножко, ни прав, ни страховки, ничего, – говорю.

– Я ж в город не поеду.

---

²⁰ Ати – городок в графстве Килдэр в 18 км на север от Карлоу.

– Не-а, все равно не особо интересно.

* * *

Весь остаток того дня я думаю о Джун. Наличие ребенка еще не обязательно значит, что у нее есть мужик. Скорее, просто может быть. Надо получше все разведать сегодня, когда удастся с ней еще поговорить. Но вдруг получится неловко, а ей на третью встречу придется явиться все равно? Нет, до тех пор ничего не скажу.

В тот вечер ближе к шести я уже стою в коридоре и слушаю, как Мать разогревает ужин и чирикает себе, заливаясь. Она и со стеной болтать будет. Буквально. У нее по всему дому навалом разной хрени, с которой она турысы разводит. Захожу, а она с чайником болтает, то и дело умолкая при этом, будто слушает, что ей тот отвечает. Сколько-то назад я ее спрашивал:

– Не свезло пока с Батей законтачить, с того света?

– Ни черташечки. Может, он еще не приземлился.

Это что-то новенькое: я по умолчанию считаю, что она не имеет в виду ни чистилище, ни ад, по части религии у нее полное меню. Батю за его уменья церковь не особо уважала – он местному священству конкуренцию делал. Пожалел, что спросил, по лицу ее понял, что она расстроена. Да и как не быть, при том что кто попало – от покойной тетки Мари мис-

сис такой-то до непонятного рядового с ГПО²¹ – превратили ее голову в доску личных объявлений, а от того единственного, от кого сама она ждет весточки, – глухо.

Звонок в парадную дверь, бывает, барахлит, поэтому я высматриваю Джун в окно. Берни наверху, гарцует по комнате. Я попросил его не спускаться. У него состояние какое угодно может быть. Лучше б в Австралию свалил к братьям, хоть они и чокнутые паразиты и все такое.

Я от этого ожидания становлюсь чуток дерганый и поэтому начинаю перебирать числа – возрасты братьев, прикидываю, сколько им всем исполнится, когда мне будет двадцать один и дальше; когда мне шестьдесят три, столько же, сколько Бате было, когда его не стало, сколько стукнет Лару или Сенану?

Не второй ли голос, помимо Материного, я слышу? Быстро гляжу в зеркало в прихожей, приглаживаю патлы, стряхиваю пару крошек с футболки. Захожу в кухню, а там малец с какой-то другой женщиной.

– Я как раз шла к вам, – говорит та женщина. Чуть постарше Джун и вроде как хипповатая на вид, но опрятная.

– Ладно, – я ей.

Пацан корчит мне рожу; имени его я не помню. Женщина прощается с Матерью и идет за мной, таща пацана следом.

---

²¹ Главное почтовое отделение (*ирл. Ard-Oifig an Phoist*, с 1818) – дублинский Главпочтамт, расположен на середине О'Коннелл-стрит. Речь об участнике Пасхального восстания 24–30 апреля 1916 года, штаб-квартира которого располагалась в здании ГПО.

Подхожу к “икс-боксу”, делаю вид, будто выключаю там что-то.

– А где Джун? – спрашиваю, а сам все стою спиной, поскольку чувствую, как краснею.

– Отъехала, – отвечает женщина.

– Как отъехала?

– Как отъехала? – Пацан передразнивает меня и заходится весь со смеху. – С катушек – как и ты.

– Конор, угомонись, – говорит женщина, и в голосе у ней жесткость, какую при всех этих ее длинных волосах и блузке в цветочек и не заподозришь.

Я веду себя как ни в чем не бывало и достаю тряпицу.

– Та же процедура, что и вчера, – говорю пацану.

Тот строит лицо, но на нем сегодня шорты и он просто подставляет ногу. По-моему, лилай менее розовый. Хотя я так крепко желал, чтоб так оно и было, что, может, мне чудится.

Пока я держу ладонь над ногой и тру тряпицей, пытаюсь придумать, что сказать. Но эта вся так занята своим телефоном, что за мной и не следит. И тут я замечаю. Как же я вчера-то не увидел – у пацана сзади вдоль ноги шрамы. Шрамы старые, хоть сам-то он и не дохрена какой взрослый, боже ты мой, да он их огреб, когда еще молокососом был небось. Прямые белые полосы – ремень или помочи.

“Неброски шрамы”²² всплывает у меня в голове. Чудная

---

²² Здесь и далее (“про братика в гробике”) отсылка к стихотворению “Весен-

строчка. Нет в шрамах ничего броского. У меня самого все шрамы без всякого подвоха: один под левой коленкой – еще от трехколесного велика, второй – длинный, на запястье, от сетки с голубятни у Макдермотта. Шрам после аппендицита. В этом доме всяких несчастных случаев происходило сколько-то. Я еще совсем малявкой был, когда Лар, самый старший, съехал на велике с крыши сарая “на слабо”. Сенан – сам себе того и гляди несчастный случай, вечно налетал на что-нибудь, кухонный стол завалил, когда ногами в нем запутался. Но никого из нас дома не били, это уж точно.

Пацан пялится на меня, понимает, что я заметил. Теперь-то гонору в нем поменьше.

– Ну что, всё? – Это хиппушка голос подает.

Чей бы этот малой ни был из этих двух, ни та, ни другая не того сорта, какие детей порют. Может, поэтому об отце речь и не заходит.

– Извините, ага. Всё.

– Отлично, спасибо. – Она собирается, пятерку оставляет на каминной полке. У двери я спрашиваю, приведет ли она пацана завтра. Говорит, он явится.

После того, как хиппушка с пацаном уходят, Мать призывает меня в кухню. Суетится.

– Фрэнк, сделай одолжение. Мне надо сбегать к Сисси на

ние каникулы” (*Mid-Term Break*) ирландского поэта и нобелевского лауреата по литературе Шемаса Хини (1939–2013) из сборника “Смерть натуралиста” (*Death of a Naturalist*, 1966).

пару часов, помочь ей с клиентами. Ты дома?

– Не знаю. А что?

– Берни чуток приуныл. Та встреча, какая у него в Дублине была. Надо было мне с ним ехать.

– Что за встреча?

– Фрэнк, если тебе есть дело до его благополучия, чего сам не спросишь? Он мне ничего не рассказывает, – говорит она и натягивает жакет. – Хочу, чтоб он был не один. У Сисси примерка с детским хором к Волчьей ночи. Я ей подсобляю с кройкой. Очень мудрено. Эти тройняшки у Кирнанов здоровенные как я не знаю что, а сами еще только в среднюю садовскую группу ходят. Дополнительную полосу сбоку вшивать приходится.

– Что на ужин?

– В холодильнике пиццы. На глубокий противень. Если ветчину счистишь, должно быть съедобно. Мне пора, я уже вся на ушах.

В том, что касается первоклассных ужинов, Мать наша – звезда. Она ничего не стряпает уже много лет – с тех пор как вышла работать в супермаркет к Моррисси. Уж как ей там это удастся, неизвестно, но всегда найдется пицца-другая, завалившиеся за холодильную камеру, или же замороженный пастуший пирог, который случайно разморозился.

Как только Мать удаляется, я иду узнать, не хочет ли Берни, чтоб я метнул в духовку и на его долю. Дверь в спальню у него заперта, и он мне даже не отвечает. Я слышу, как

он там сопит. Когда он в приличной форме, никому его не переплюнуть. С ним от смеху заболеть можно. Но когда он вот такой, хоть иди напивайся. Пиццу я ему все равно сделаю.

Когда я доедаю первую пиццу, он все еще не спустился. Едва я берусь за вторую, как Скок присылает сообщение насчет потусоваться – в нашей округе. Я помню, что Матерь просила меня посидеть с Берни, но если он весь вечер собирается торчать у себя в комнате, какая разница, есть я дома или нет? Пишу Скоку, и он тут как тут. Мы уже готовы выдвигаться – и вот спускается Берни в халате и трениках.

– Порядок, Берни, – Скок ему.

– Порядок, Скок, – Берни ему, а сам ко мне спиной поворачивается и лезет в буфет за кетчупом. Кажется, у него глаза накрашены.

– Мы пинту выпить. Хочешь с нами?

Скока я готов прибить. Берни нас всех своим настроением утопит.

– Да с ним порядок, – я такой.

– Я не против, – говорит Берни. – Куда идете?

– Как обычно, в “Хмурого Дойла”.

– Порядок, – Берни такой, а сам остальные куски пиццы заглатывает. Топает вверх переодеться. Ё-моё. Возвращается, лицо умытое, волосы в геле, готов на выход.

– Клевая рубашка, – Скок ему.

Берни доволен, как слон. Рубашка новая, небось в Дубли-

не взял. С рисунком, но очень по фигуре. На ком-то смотрелась бы по-мудацки. Но Берни умеет такое носить. По крайней мере, не та, в какой он тут на днях спустился, – девчачья блузка дальше ехать некуда.

Скок болтает всю дорогу в город, ни на какую волну между мной и Берни внимания не обращает. Жалею, что вообще согласился на эту пинту. Ждем на переходе через Кеннеди-авеню, мимо проезжают эти долбодятлы на “тойоте”, “Слипнот” у них на всю катушку или какая-то еще лабуда в том же духе. Один опускает стекло.

– Блядский пидор, – орет и из окна херачит чем-то в Берни. Попадает ему по руке, окатывает рубашку сбоку. Пакет молока. Кто катается на тачке и пьет при этом молоко, бля?

– Паршивые блядские дикомрази! – орет им вслед Скок и мечет свою колу в заднее стекло. Кола обливает машину, но та катит дальше.

– Ты их знаешь? – говорю Берни.

– Нет.

Как, нахер, они его в толпе углядели, он же просто стоял?

– Кажется, выпивку я все же пропущу, – говорит Берни, пытаюсь промакнуть мокрое пятно другим рукавом.

– Забей, – говорит Скок. – Пойдем, по одной.

– Ага, – поддакиваю, хотя немножко не уверен.

– Никто и не заметит, – Скок ему, хотя видно, факт, что весь бок у рубашки насквозь.

– Может, в другой раз.

– Этот город кому хочешь мозги вынесет, – говорит Скок.

– Ага, – Берни ему и разворачивается. – Пока.

На его месте я пошел бы домой, хорошенько посмотрел на себя в зеркало и изменил себя до последней блядской крошки, до полного исчезновения. Я б из себя что-то такое сделал, чтоб не выделяться на публике никак. Но Берни не таков. Хвост пистолетом – и пошел, весь из себя клевый.

– Тут как в Средневековье, – Скок мне. – Надо этим летом убраться отсюда.

И дальше выезжает на свою любимую тему: если б сколотить чуток деньжат на перелет – до Бразилии или Аляски, скажем, – работу нашли б запросто. Вечно у Скока большие планы, вот только денег не хватает.

Сворачиваем на Мардайк-стрит к “Хмурому”, и тут Скок объявляет, что ему сперва надо проверить сигнализацию в доме у Рут.

Там он сразу отправляется к хомячкам в прачечный чулан. Никаких новорожденных. Озирается – все проверяет. И тут до меня доходит: он же ключи от машины ищет.

Ну и, само собой, запирает он дом, мы уже собираемся двигать – и тут он достает из кармана эти ключи.

Но когда Скок наставляет брелок на машину, та не отзывается. Я тоже пытаюсь – ничего. Наконец до нас доходит: это не от “лексуса” ключи. Ну конечно, никто не соби-рался оставлять Скоку такой подарок. Это от Рутиной “хонды-джаз”, припаркованной сбоку. Скоку хоть бы хны.

– Можем быстренько сгонять в Ати, глянем на ту группу, – он мне, пока сам откатывает назад водительское кресло в лошнякакой вырвиглазно-зеленой тачке и поправляет зеркало.

Чего б и нет? Берни небось остаток вечера просидит дома, закися у себя в комнате. Мне его жалко, но он последнее время какой-то сложный. В прошлом году перестал тусить с нами, ни на какие вечеринки в колледже меня даже не зовет. Видать, решил, что я его позорить буду перед новыми чуваками. С тех пор, как выпал из обоймы, со мной почти не разговаривает. Просто какой-то клубок скорбей по дому катается. Если не считать его вылазок с ночевкой в Килкенни или Дублин – оттуда он возвращается весь распушенный. Не хочу сказать, что я по нему не скучал поначалу, но сейчас уж как есть.

Наверняка уже вылез в Сеть и всем рассказал, до чего хреновая у него жизнь, и город этот – помойка, а братец его... ну, что уж он там про меня говорит, наплевать. А если Скок поведет бодренько, вернемся задолго до того, как проявится Матьер.

– Ну давай, чего.

До Ати мы добираемся за двадцать минут. Мне ссыкотно, что нас полиция прижмет, но Скок не парится, как ветер, и даже лопаёт шоколадные эклеры, которые я нашел у Рут в бардачке.

Бросаем машину за церковью и топаем в “Фицпатрик”.

Там почти пусто, никакой движней не пахнет. Все равно быстренько решаем по одной и, по совету бармена, пробуем заглянуть в “Эсквайр”. Не прикольно. Двигаем дальше и в итоге оказываемся в “Наследии вдовы”. Там в одном углу дуются в карты, а в другом вроде как женский кружок вязанья и трепа. Из этих подходит одна, заказывает водку с колой. У нее за ухом вязальная спица, сама смазливая, но ей точно за тридцатник. Скок предпочитает женщин постарше. Уж не знаю, насколько постарше, но знаю точно, что с той, которая рулит “Ювелирами Дуэйна” в торговом центре “Брукфилд”, он домой ходил. Эта смотрится классно, но она того же года выпуска, что и Сенан, а значит, ей даже за сорок, железно.

Скок принимается обсуждать с этой всякие тонкости вязанья. Потом идет глянуть, что они там за свитеры и пинетки вяжут. Он-то не пьет, а я всасываю пинту за пинтой. Все думаю о тех козлах с молоком. Надо было, может, за ними проследить. Встает заказать еще одна из вязального кружка, улыбается мне. Сережки у ней – здоровенные такие кольца. Помню, у Джун были сережки, и еще одна сверху на правом ухе. Помню ее – золотой шип, – а вот остальные какие были, хоть убей, вспомнить не могу. Все думаю о ее ушах.

* * *

По пути домой я, кажись, уснул. Дальше помню только,

что сию на крыльце у себя дома. Встаю, вынужден сесть обратно. Опять ключи потерял. Скок кидает камешки в окно Берниной спальни.

– Ё-моё, тише ты, Скок. Мать меня урод, если ее разбудим.

Надо думать, мы устроили нехилый шум, потому что через выпас топает Эйтне Эгар, дочка Сисси.

– Эйтнеприветдобрыйвечер.

На меня она внимания не обращает, шепчется со Скоком. Улавливаю несколько слов: “скорая”, “драка” или что-то в этом роде.

Оказывается, Берни увезли в Святого Луку на “скорой”, в полуобмороке. После того, как мы с ним расстались, он пошел выпить. В “Старую Вик”, самую большую распивочную в городе, ввязался в ссору с какими-то пацанами. Может, ввалили ему на улице, а может, сам упал, когда домой шел. Крови было сколько-то, и с запястьем что-то.

– Мать ваша по потолку бегает, – говорит она мне.

– А чего мне не написала?

– Пыталась.

Смотрю в телефон. Сел в ноль. Блядство.

Скок разворачивает машину, сует меня на заднее сиденье, мы катим в больницу в Килкенни. Останавливается на заправке, добывает крепкий чай и какую-то черствую булку, чтоб я сколько-то протрезвел.

– Порядок, Фрэнк?

– Ага. Не то чтоб Берни в первый раз что-то откалывал.

Первый раз Берни оказался по “скорой” в “травме” почти два года назад. Мы были в Ньюбридже – мы с Матерью. После того, как Бати не стало, она вдарилась больше в общение с духами, нежели в гадание на чае: каталась по всему графству и даже в Уиклоу и Килдэр, везде. Репутацию себе заработала будь здоров, пока фортели Берни не начали на ней сказываться.

В ту ночь он мотался по городу и искал себе на задницу неприятностей, каких можно было б избежать. Те ребята насовали ему в живот так, что порвали селезенку. Я когда в больнице его во всех этих трубках увидел, чуть не скончался. Думал, у меня сердце встанет, так перепугался за него. Но диву даешься, к чему только ни привыкаешь.

Без обману

– Ты чего тут? Где Матерь? – Первое, что Берни говорит мне, лежа на каталке в “травме”.

– Ее Скок домой повез. Пока ты спал.

Я не рассказываю ему, на каких херах Матерь таскала меня в коридоре за то, что я ушел пить свои пинты, а Берни оставил дома одного.

– От тебя несет, как от пивной бочки, – он мне.

– На себя посмотри. Медсестра сказала, тебя отпустят после утреннего обхода. Чего ты домой не пошел? Нарваться хотел, раз пошел в “Старую Вик”. Даешь веселуху, хоть в чем-то будешь первым.

– В чем? – Берни мне, а сам отвертывается от меня на койке так, что едва не скатывается на ручки какой-то бабке – та вся трусится, будто одержимая.

– Первым из братьев, кто шесть футов вниз осилит. – Я просто пытаюсь как-то разрядить все, но получается криво.

– Я всегда буду первым, – он мне. – Из нас двоих.

– На четыре минуты, – говорю. – Что, если учесть разницу между шестым и седьмым, – небо и земля. – Такое обычно ему фитилек прикручивает. Рождение паровозиком за ним следом означает, что дар наследую я. – Берни, возьми уже себя в руки.

Он молчит намертво.

– Тебе ж не обязательно оставаться в Карлоу. Да и в Ирландии, – говорю. – Чего б тебе не податься к нашим в Австралию? Тебе там самое оно будет. Сенан тебе работу легко найдет.

– На стройке?

– Устроишься в ресторан, или парикмахером, или как-то.

– Это жуть какой стереотип. В любом случае я нужен Матери тут.

– Если вот так будешь ей лет добавлять своими выкрутасами, то нет. Тебя ж мотает во все стороны.

Судя по тому, как он заскреб пятками по простыне, я его достал.

– Доктор Эванс, он специалист, он сказал... списки...

– Погоди-ка, – говорю. – Какой специалист? В каком это ты списке? – Ни шиша не понимал я, про что он толкует.

– Мне надо тебе сказать.

– Ты, блин, о чем вообще? Сказали, у тебя вывих запястья и ушиб головы. И все.

– Нет, доктор Эванс в Дублине. Он... и оценка... – И тут он отключается.

Чудно́ это – смотреть, как он спит. Стараюсь не обращать внимания на всякое, что происходит в “травме”, особенно на телесные звуки из соседнего отсека. Видать, я сам задремал, потому что открываю глаза – а он на меня смотрит. По виду, он в несколько более своем уме, и я его спрашиваю, что случилось. Оказывается, он увидел ту машину возле “Старой

Вик”, узнал ее и решил зайти. Садится такой к стойке в своей рубашке, от которой молоком несет. И прям рядом мразота эта, дикари, которые в него пакетом бросили. Заказал себе водку с “Ред Буллом”, выпил и вышел. По его прикидкам, они за ним проследили и напрыгнули.

Не врубаюсь. Ну чего он вечно высовывается. Чего не позвонил нам со Скоком, мы б ему подсобили. Или вынули бы оттуда.

– Тут больше, чем кажется, – говорит Берни. – Я не... потому что я уже... – Язык у него заплетается. Берни закрывает глаза, и мне кажется, что он вроде как опять засыпает.

– Я женщина, – говорит он, глаза все еще закрыты. – Внутри.

Я не уверен, что расслышал.

– Что? Да из тебя, блин, такая же женщина, как из Ковбой Мальборо.

Он тыщу лет не говорит ничего. Потом шепчет:

– Ковбой Мальборо был геем.

– Заткнись, – говорю и толкаю его в руку. Он обдолбан вдребезги – уж какие они ему там обезболивающие вкатили. Говорю, чтоб попытался уснуть, а сам иду курить.

Он знал, что я это погулрю, и действительно – как только выхожу из палаты, сразу смотрю, что там про Ковбой Мальборо. Их прорва была, в основном поумирали от рака. Один, может, двое были геями.

Из автомата в приемном покое беру бутылку колы. Ужас-

но скрутило на стуле какую-то деваху, она держится за живот и с содроганиями стонет. Пара стариков ждет очень тихо, не разговаривает, оба смотрят прямо перед собой. У него лицо серое, руки вцепились в колени. У нее безостановочно движутся губы. До меня доходит: она молится. Дичь херовая тут происходит у людей, а этот идиот, братец мой, просто лезет в неприятности, как в горячую ванну.

Возвращаюсь к нему, стою рядом, пока он не просыпается.

– Слушай. – Я перехожу на шепот, чтоб отвадить бабку с соседней каталки. С трясучкой своей она совладала и теперь чуть ли не валится с койки, уши развесив. Тут оно куда интересней, чем сидеть дома с кошкой и смотреть “Улицу Коронации”²³. – У тебя выдалась дурная ночь. Тебе надо остыть, собраться с мыслями.

– Я знаю, где взять гормоны, – шепчет он. – В интернете. – Что за херня, – говорю. – Они тебе любое говно сраное могут продать. Не знаю, чего тебя носило в Дублин. Тебя это выводит из равновесия.

– Равновесие надо держать тебе, а не мне, – говорит и отворачивается. – Знаешь, земля под тобой вертится постоянно. – Меньше минуты проходит, и его вырубает.

---

²³ *Coronation Street* (с 1960) – британская мыльная опера, до сих пор выходящая на канале Ай-ти-ви; выпущено уже более десяти тысяч серий.

Выписывают его часов в восемь утра. Пара швов и паршивый вывих запястья. Всю ночь мы оба задремывали и просыпались, что, конечно, облегчение, потому что я не знаю, что ему говорить. Я, правда, сказал, что это он сам нарвался, полез к этим пацанам. И намекнул, что у Матери сердце поэтому в узел, может, он помалкивает из-за этого. Ни я, ни он о том остальном, что он там мне грузил, не заикаемся.

Скок позвонил спросить, не надо ли нас забрать, но я договорился, чтоб после своей ночной смены в столовке нас подбросила Ма Бирн. Ей до смерти хочется послушать из первых уст, что произошло, но Берни у нее на заднем сиденье делает вид, что спит, а я не рассказываю ничего. Дома он сразу топает к себе. Мать на меня ноль внимания, уходит вверх вслед за Берни.

Покемарить удастся пару часов, а когда просыпаюсь, голова у меня та еще. На работу опять опоздаю дико. Две кружки чаю, крепкого, как мазут, кусок тоста, но я все еще не в себе. Мать спускается и забирает кусок, который я только что намазал. Со мной ледяная, будто это я Берни отделал.

– Собираюсь взять отгул по болезни, – говорю.

– Да ладно? И это при том, что в доме есть по-настоящему нездоровые. – Кивает на чайник.

Встаю, завариваю ей свежего.

– Ни к чему тебе здесь, – говорит. – Я сегодня свободна по-любому, так и побуду с ним.

Можно подумать, я дома из-за этого собирался остаться. Я, блин, вымотан. Но нет моих сил сидеть и слушать весь день, как она о нем кудачет, а меня шпыняет почему зря.

– До скорого, сын. – Больше ничего не говорит, а когда я двигаю на выход – даже не смотрит на меня.

* * *

Выволочку я получаю еще и на работе – от босса за опоздание. Выкладывать, почему я опоздал, не хочу. Но Скок, похоже, что-то сказал, потому что погода Деннис подходит ко мне в столовке, пробует заговорить о каком-то там футбольном матче сегодня по ящику. Ну нахер.

Вой циркулярок выпиливает мне мозг по кускам. Как ни подумаю, что там Берни задвигал ночью, оно у меня не стыкуется. Вот буквально не складывается одно с другим. Мы все подозревали, что Берни гей, еще до того, как он нам сообщил, так что сюрприз был невеликий. Он вечно залипал на другие темы, не как я или остальные наши братья: случился у него полный загон по эмо, ногти красил и вся прочая хрень. Дофига таких парней. На втором году²⁴ он даже изображал Бейонсе на школьном концерте. И довольно неплохо вышло;

---

²⁴ В ирландской системе школьного образования второй год соответствует восьмому классу, школьникам на этом году обучения по 13–14 лет.

не РуПол, но чем бы дитя ни тешилось.

Но вот эта тема с женщиной – совсем не вид сбоку. Не знаю, что и думать. Говорил мне, что ездил несколько раз к консультанту из колледжа, но что там за врач в Дублине?

Понятное дело, это его жизнь и все такое, но чего ему теперь-то неймется? Адриан Келли из обрубочного – гей, но он же никого в это носом не тыкает. Даже играет полузащитником за “Эйре Ог”²⁵.

Разворачиваю погрузчик и чуть не сношу угол бытовки, где у нас контора. Младший Хеннесси дрыхнет за распилочной, меняюсь с ним. Он в восторге – как вышел на работу в прошлом месяце, так до смерти хотел покататься на погрузчике. Немного прибираюсь, после чего сачкую за цехом. До зарезу покемарить надо, и я где-то в полчетвертого потихоньку сваливаю.

* * *

Мать в кухне, принарядилась, собирает сумочку.

– Где Берни? – я ей.

– Попробовал немножко поесть в обед. Ушел в постель, очень взбаламученный.

Заглядываю в холодильник, вытаскиваю кусок сыра и помидор.

---

²⁵ *Éire Óg* (ирл. “Молодая Ирландия”) – молодежные спортивные клубы в Ирландии, направленные на поддержку национальных видов спорта.

– Может, тоже прилягу ненадолго.

– Ты дома будешь? – она мне.

– Ага. Я никакущий.

– Пригляди за ним. Мне надо по делам.

– Сквозь дверь его спальни я видеть не могу.

– Не умничай, Фрэнк, – говорит она, – тебе не к лицу. Не бросай его в этот раз.

Она все еще на меня дуется. Сама-то никакой ответственности за то, что просидела у Сисси допоздна, пока волчьи уши эти дебилыные пришивала да лясы точила, не берет.

– Что на ужин?

Ужин нам с Берни она уже сунула в духовку – на потом.

– Не таскай картошку у него из тарелки. Он только что смерти в лицо глянул.

– По собственному желанию. – Как вместе с дүхами учить уму-разуму горюющих вдов или уповающих девиц, так она молоток, а когда дело касается Берни, так из Матери веревки вить можно. Пора ей уже разуть глаза на его выкрутасы.

– Он не виноват, – она мне. – Мне кажется, он в какой-то предыдущей жизни был Кеннетом Уильямзом²⁶.

– Господи ты боже мой, эк он быстро обернулся-то, – говорю, прикидывая в уме арифметику.

– Аура у того человека была созрелая, – гнет свое Ма-

---

²⁶ Кеннет Чарлз Уильямз (1926–1988) – британский театральный, кино- и телеактер, рассказчик, диарист, известен своими комедийными ролями.

терь, – его поэтому в рождественские серии “Так держать”²⁷ не брали.

– Мама, отстань ты нахер со своими аурами.

Это просто ревность из нее прет. Помимо того, что она чуть ли не полностью не различает цвета, по аурам у нас в основном сестры из Грегнаманах²⁸, они этим уже много лет занимаются. В прошлом году, когда Берни приуныл, ей пришлось отменить сеанс, который она должна была провести в Тинриленде²⁹, и его в итоге провели сестры “Красота ауры в глазах смотрящего”. С тех пор ее больше не приглашали.

– Тебе не видно, Фрэнк, но Берни очень уязвим. Его сбил с панталыку этот врач из Дублина.

– И что там за врач?

– Я толком не смогла разобрать. Думаю, это его консультант из колледжа отправил. Чтоб привел себя в порядок, а потом вернулся учиться. Что б там ни происходило, он сам не свой.

Она и половины не знает. Копаюсь в жестянке с лекарствами, ищу обезболивающие.

– Нуروفен-плюс нужен? – она мне. – За жидкостью для мытья, под мойкой. Мне страшно, куда голова Берни может

---

²⁷ *Carry On* (1958–1978, 1992) – британская комедийная франшиза, состоящая из тридцати одного полнометражного фильма, четырех рождественских выпусков, телесериала и театральных постановок. Кеннет Уильямс снялся в двадцати шести фильмах.

²⁸ Грегнаманах – деревня в графстве Килкенни в 37 км к югу от Карлоу.

²⁹ Тинриленд – деревня в 6 км к югу от Карлоу.

его увлечь. Лучше перебдеть.

Вообще не врубается.

Смотрит на часы.

– Может, чаю быстренько успею хлебнуть.

В знак примирения мне позволено заварить для нее чай. Матери до зарезу охота рассказать мне, куда она собралась. Выясняется, что Лена вернулась домой вчера, но оставила кой-какой багаж на станции. Мать едет с Муртом забрать его – лишь бы нос свой сунуть.

– Чего он ее не выпрет на все четыре стороны?

– Все не так-то просто, Фрэнк. Кровь – не водица. Она по Уилановской родне очень творческая натура. Полдела в этом.

Наливаю себе здоровенную кружку чаю.

– У меня голова чугунная. Пойду наверх.

Прохожу мимо ее стула, она меня берет за руку.

– Люблю тебя, сын.

– Я в курсе.

Стучу в дверь к Берни. На голове у него наушники, завернулся в одеяло на кровати, будто сейчас разгар зимы, а не солнечный денек.

– Порядок?

– Шикарно, – говорит. – Пока ты не начал, я тебе сразу скажу: я не жалею. Буду пить в любом пабе, где захочу. Не стану я прогибаться перед вахлаками из этих едреней под

Тимахо³⁰. Это мой город.

Я все пялюсь на повязку у него на лбу, зная, что под ней у него пять швов. Он говорит, один из тех парней пытался сунуть одежные плечики ему в ухо. Что-то сомневаюсь, что на дороге у паба нашлись бы плечики. Хотя всякое, наверно, может быть. Пакет молока ж нашелся у них в машине, так что поди знай.

Понимаю, что мне полагается гнать на тех пацанов, что так обошлись с Берни, и я гоню. Но вот гляжу я на него – лежит в постели, перелистывает сообщения в телефоне, и смотрится все это так, будто у него обычная похмелюга. Злюсь я на него – что он нам все это устроил. В последние несколько лет одно и то же: то на драку нарвется, то желудок ему промывают. Тусуется с шизиками, которые из дурки почти не вылезают.

– Если ты просто выпить хотел, поехал бы с нами, – говорю.

– Мне надо куда больше, чем просто выпить. Не помнишь, что я тебе ночью говорил?

Отвечаю ему, что в больнице был совсем набекрень, а уж Берни и вообще не в себе. Надеюсь, на этом он разговор и бросит. Я весь замордованный. Но какое там. Он, типа, считает, что у нас в больнице состоялся какой-то великий разговор, так что я теперь целиком прогружен и все зашибись. Начинает мне объяснять, как он ничего не знал, но в то же

---

³⁰ Тимахо – деревенька в графстве Лииш в 30 км к северо-западу от Карлоу.

время всегда знал, и что он ходил в эту группу в колледже, гей-группу, и знал, что такое возможно – то, что ему нужно проделать. Ему неиметсЯ вывалить, каково ему было в детстве, будто меня тогда рядом не существовало. Говорит, какое это облегчение – все рассказать. Задвигает про эту группу, куда он ездит в Килкенни, и про женщину, она трансгендер, он у нее иногда ночует в Дублине, у нее что-то типа хостела, или ночлежки, или что-то такое.

– Я тебя знаю, Берни, – говорю, – и ты гей, и я не против. И никто не против. Может, просто... ты сам не свой.

– Именно, – говорит и палец на меня наставляет. – Не свой.

Вечно он мои слова мне же в споре и возвращает.

– Это ж муть какая-то. Может, с психическим здоровьем что-то, – говорю. – Чего б тебе не оставить все это в покое на сколько-то?

– Не могу.

– Почему?

– Время. Вот почему. Хочу начать свою настоящую жизнь сейчас же. Я знаю, кто я. Не хочу обернуться однажды и выяснить, что провел лучшие годы в этой скорлупе себя. – Слова прут из него, плывут мимо моей головы. Все, о чем он толкует, – это как из телевизора кто-то, а не мой брат-близнец Берни. Не стыкуется оно с нашей жизнью.

А потом он садится на постели и говорит, что ему надо кое о чем меня напрямую попросить.

– Фрэнк, – говорит и смотрит на меня в упор. – Мне надо знать, что ты за меня.

Я всегда был за него – как и он за меня. Но я не догоняю, во что влезаю со всем этим. Он даже не ждет, пока я отвечу, и начинает вываливать про других людей, до чего они охренеть какие потрясные, и все его, избитого, поддерживают. Это совсем не то же самое, что номера для концерта ставить или изгаляться в Материном халатике, распевая под Бейонсе. Все думаю о программе, которую в прошлом году видел, кажется, даже вместе с ним, – про мужиков, которые были женщинами, там были и геи, и натуралы. У некоторых дети. Он, что ли, сидел рядом со мной и думал, что он такой же, как они? У некоторых даже операция была. Про это он не говорит, но зайдет ли так далеко, чтоб перестать вообще быть самим собой?

Он замолкает, а потом говорит, что я ему так и не ответил.

– Конечно, – говорю, лишь бы заткнулся. – Я за тебя.

– Как бы ни сложилось?

– Как бы ни сложилось.

Это, похоже, его удовлетворило.

– За вычетом того, когда ты лезешь в драки с тупыми амбалами, – говорю, собираясь на выход. – В таких раскладах ты сам по себе.

Задерживаю шторы у себя в комнате, падаю на кровать. Мысли копошатся у меня в голове, как черные пауки. Но я хотя б один тут, покемарю в своей комнате, а Берни по-преж-

нему сопит у себя. Как так получается, что у него вечно все по полочкам? А если и я железно убежден в том, во что сам верю? Берни, ты мой брат, и точка. Как тогда?

Бати не стало так быстро – вышел с Мосси через двор, сел в машину и не вернулся. Чистый несчастный случай, все так говорили. Лопнула покрышка, машину развернуло, и парапет у моста не выдержал. Был – да сплыл. Я всегда представлял, как мы будем с ним бок о бок исцелять людей, как он мне все объясняет, может, я б его возил, когда состарится. А дальше взял бы дело в свои руки. Целого такого будущего тоже не стало.

Через четыре месяца после того Мосси исчезает бесследно – как раз когда нам бы чуток его безумия не повредил. Сказал Матери, что не может жить в доме с муками совести. Когда кто-то уходит вот так, на ровном месте, догоняешь, что такое может случиться еще раз – в любой миг. Если Берни действительно полезет в эту херню, у меня поверх всего еще и брата-близнеца не станет. Это для кого угодно ни в какие ворота.

Излечение пацана

Жужжит телефон. Скок: *Все путем?* Отвечаю: *ага потом поговорим.* Видать, уснул, потому что дальше прихожу в себя, когда прилетает сообщение от Матери: *ужин в духовке глянь берни лишай б.*

Который час-то? 5:45. Ё-моё. Джун и пацан, к шести. Надо привести себя в порядок. Сдираю с себя футболку, натягиваю чистую. Снимаю обратно и надеваю рубашку с коротким рукавом. Блин. Придется и треники снять, раз я в рубашке. Стук в дверь доносится, аккуратно когда я без штанов. В тубзик хочу сил нет. Замечаю стопку чистого белья – вот спасибо, Матерь, – хватаю свежую футболку, натягиваю обратно треники.

Ополаскиваю руки и тут слышу еще один стук. Уму непостижимо, я забыл, что Джун уже пришла. Или не Джун. Может, хиппушка.

Открываю, стоит пацан. Рядом Джун.

– Вид у вас удивленный, – говорит.

– Занят был кой-чем, – говорю.

Она одуреть какая чумовая. Пацан тащит на себя цветок из Материной шпалеры, которая возле двери.

– Хочешь ей цветочек подарить? – И ухмыляется такой.

– Конор, не трогай, – говорит она.

Проходят в дом, а я пытаюсь сосредоточиться, но я ника-

кущий, ни отнять, ни прибавить.

– Босой, – говорит пацан.

– Ага, переобувался. Недавно с работы.

– Приятно, – говорит Джун.

– Что?

– Сбросить обувь после долгого дня.

Пацан сгибается пополам, я на него зыркаю.

– Было дело, я бегал, – говорю. – Босяком... в смысле, босым. – Разворачиваюсь, потому что чувствую, как у меня краснеет шея. – Пойду возьму тряпицу. Заходите в гостиную.

Ухожу в кухню, вынимаю из коробки тряпицу. Возвращаюсь и вижу, что с полки над телевизором пацан берет медаль.

– Это что? – спрашивает.

Джун встает, откладывает телефон.

– Конор, трогать чужие вещи нехорошо. Тебе же не нравится, когда Пи-Джей лезет в твои карточки.

– Не беда, – говорю.

Она отбирает у пацана медаль, кладет на место.

– Тут их много. Вы, наверное, будь здоров какой бегун.

– Они в основном брата моего Берни. Но некоторые мои. Если считать эстафетные, может, и немало наберется.

Пацан выставляет ногу, не успеваю я спросить, как дела.

– Смотрите, мистер, почти прошло.

На коже теперь лишь бледная красноватая тень-кружок. Красота.

– Завязали тому бесу хвост узлом, – говорю, а сам пацану подмигиваю.

Берусь возиться с его ногой, а у самого тем временем башка изнутри плавится от того, как разговор о ногах развернулся. Ну то есть я правда бегал, но бóльшую часть тех медалей получил не я. Может, два процента и мои, то есть вранье, значит, на девяносто восемь процентов, выходит? Хотя я и помогал Берни тренироваться, ездил рядом с ним на велике вдоль Барроу³¹. Может, сколько-то процентов от тех медалей оно и составляет. Я был в запасе эстафетной команды и участвовал в паре забегов. Если так, получается, что соврал я процентов на шестьдесят-семьдесят. Скажи я сейчас правду, она бы какая вышла?

Джун сидит на диване, волосы у нее сегодня уложены по-другому, стянуты назад, но все равно не туго.

– У вас, похоже, и впрямь есть дар. Буду иметь вас в виду, – говорит. – Вечно то сыпь, то чесотка. И со вшами все время воюем. Если б вы и их умели убирать, озолотились бы.

Господи. Не стыдливая она, это уж точно. Большинство людей ни в жисть не признается, что у их детей чесотка. Или вши. А ей хоть бы что.

– У вас сколько?

– Что, простите? – говорит, опять отвлекшись на теле-

---

³¹ Тропа Барроу (ирл. *Slí na Bearú*) – протяженная пешая тропа длиной около 100 км, пролегающая вдоль реки Барроу и ответвления Гранд-канала по графствам Килдэр, Карлоу, Килкенни и Лииш.

фон. – Сейчас пять.

Сейчас? Чувствую, как у меня на лбу собирается пот. Жуть как жарко уже; когда последний раз дождь был вообще – вот чтоб лил?

– Вы в порядке? – спрашивает.

– Ага, шикарно. Лето, похоже, вполне приличное вырисовывается, а?

Ей так неловко за меня, что я с ней о погоде, что она уходит в другой угол комнаты осмотреть Материну коллекцию. Мы ее едва замечаем, но там есть на что поглядеть – целую стену занимает. Мать коллекционирует всевозможное барахло, у нее сотни разных хреней навалены на полки. Собирает она повсюду, много чего поступает от Мурта. И тут Джун кладет руку на эту фиготень. Мать клянется, это столетней давности выпрямитель для волос, но Берни утверждает, что у этой приبلуды назначение куда менее гигиеничное. Надеюсь, Джун меня про нее не спросит. Берет старую стеклянную бутылку из-под молока, возвращает в точности на место.

– Поразительно, – говорит Джун.

– Она ее начала много лет назад. Теперь не остановить.

– Покупает в интернете?

– Нет, она не покупает ничего.

У Материного коллекционирования целая куча правил, понятных только ей одной. Например, на эти полки она ничего не покупает. Вещь должна так или иначе прийти к ней

сама. Но даже если купить ей что-то в подарок, она еще подумает, ставить это на полочку или нет. И пусть это даже очень дорогая вещь, дело не в цене. Пригодились все открытки, полученные от Мосси после того, как он уехал. Последнее ее любимое – обкатанные осколки стекла с какого-то пляжа в Австралии, присланные Ларом.

– А где она такие полки взяла?

– Я ей сделал. Я работаю на лесопилке. На заказ работаем кое-что. Ну, я обычно нет, но... умею.

Как мебель это не на всякий вкус, но зато я это обустроил точно так, как Матери надо было. Кое-какие мелкие детали, чтоб понарядней. То-то она удивилась, когда в тот день спустилась в гостиную.

– Это ей на день рождения в прошлом году.

– Какой-то значимый?

– Угу. И она чуток грустила. Берни, брат мой, он всех наших попросил участвовать.

Матерь глазам своим не поверила – ожидала, что я ей обычный букет цветов притащу из гаража. Полки эти ее прям в восторг привели, хотя это вообще-то просто деревяшки да дюбеля, но я все же хорошо постарался, пока делал. Разжился классными длинномерами, оставшимися от церковных скамеек у Мурта в сарае. Мы со Скоком вынесли старые полки, пока Матерь спала, и поставили эти. Я даже сфоткал, как оно все было, чтоб расставить все в точности по местам.

Пацаны прислали из Австралии бутылку шампанского

и кенгуровые какашки. Какашки оказались шоколадом, но Мать поохотала нормально так с этого дела. Прилетела очередная открытка от Мосси – фото его самого на рыболовном траулере и чумовой стишок собственного сочинения. С марками из Марокко. Бородища у него как у чувака из Аль-Каиды. Мать все ждет увидеть его в новостях из Сирии или Ирака, но этот идиёт может запросто тусоваться с отцами Святого Духа в Килтегане³².

– Вы в порядке? – спрашивает Джун. – У вас вид уставший.

Говорю, у меня голова забита всяким, бормочу, дескать, ночью был несчастный случай.

– В больницу мотались? – спрашивает, вид у нее озабоченный.

– Не. – Ни за что не буду я вдаваться в эту херню про Берни. – С другом. Оказалось, ничего страшного.

Вместо того чтобы гнуть эту линию дальше, я ляпаю:

– А подруга ваша не здесь?

– Что? – спрашивает она.

– Та, другая женщина. Ваша... – приходится еще раз это произнести, – ваша подруга.

– Как-как? – говорит она и смотрит на пацана, будто это все его проделки. Тот театрально пожимает плечами.

---

³² Речь о Килтеганских отцах – католическом обществе, основанном в 1932 году епископом Джозефом Шанаханом из Ордена Святого Духа; штаб-квартира общества располагается в Килтегане, графство Уиклоу.

– Вчерашняя.

– Марисса?

– Я не уловил ее имени.

– Мы вместе работаем. В детском проекте на Баррак-стрит.

– Не понял.

– “Живые дети”. Я работаю с подростками.

Чесотка, вши, куча малышни. Теперь мне все ясно – это новое место для малолеток с херовым детством. Хеннесси вот только что про это говорил на работе – что у Каролин Райлли пацан посещает какое-то место на Баррак-стрит, чтоб голову на место поставить ему после того, как папаша его сдернул с мамашиной сестрицей. Малец с катушек слетел напрочь – уехал на газонокосилке на парковку перед “Лидлом”. Чуть ноги какой-то старушке не оторвал, завалил ей тележку у столбиков. Хеннесси гонками с перегрузом увлекается, рядом с парком Гоуран, так он наткнулся там на эту команду с целым выводком детворы. Какой от этого прок, спрашиваю. Нам давали по башке и выгоняли дрова рубить на неделю. А Скок говорит, мать жрет снотворное и в отключке с утра до ночи. Сказал, что ребенок, считай, сам себя растит с восьми лет. Пусть спустит пар на гонках, говорит, – все лучше, чем петарды в почтовые ящики запихивать.

Короче, Джун, может, пришлось в колледже учиться для такой работы, и я поэтому до нее не дотягиваю, автоматом. Не могу придумать, что б такого сказать. А потому говорю:

– Вы на гонки с перегрузом ходите? С ними?

– Что? – Они с малявкой таращатся на меня так, будто у меня шарики за ролики заехали прямо при них.

Малец корчит рожу и повторяет слово “гоооонки” врас-тяг, будто оно иностранное.

– Я закончил, – говорю. – Теперь у него все в ажуре должно быть.

Оба быстренько двигают на выход. У двери она лезет в сумочку.

– Ну спасибо, – говорит и сует мне десятку.

– Ага. Увидимся как-нибудь.

– У меня пятерка была заготовлена – на тот случай, если б не сработало.

– Милости прошу, тащите его обратно, если что-то не устроит.

Пацан уже за калиткой, орет на компашку, которая гоняет в футбол на выпасе.

– Шучу, Фрэнк. Увидимся.

Отворачивается, собирается уходить, я расслабляюсь. На нее проще смотреть, когда она не лицом ко мне. За калиткой оборачивается и видит, что я на нее пялюсь.

Ушли. Остаюсь у дверей еще на минуту. Сад смотрит-ся отлично. У Матери тут прорва цветов, она их насадила несколько лет назад, и они теперь прут как бешеные. В солнечный день прям сверкают, белые и золотые. Чуть ли не гипноз наводят.

Есть что-то в таких вот летних днях — все такое яркое, пахнет травой, дети носятся на скутерах и великах, все из себя хозяева жизни, будто лето вообще для них придумали. Меня от всего этого прет, но тут опять у меня в голове начинает заколачивать по-жуткому мешок молотков. Слишком много вверх-вниз за сутки, да еще и похмелюга.

Закинувшись тарелкой жратвы, возвращаюсь в гостиную с двухлитровкой колы, задерживаю шторы от солнца и усаживаюсь тупить в вечерний телик с канала на канал.

Возвращение Бати

В день после сеанса, когда я весь в лоскуты, лучше всего плюхнуться в Батино старое кресло и пялиться в ящик. Переключаюсь между какой-то документалкой про рэп в Майами и пятьюдесятью самыми смешными случаями в футболе, которые я уже сто раз видел. Но как-то радуется смотреть, как какой-нибудь футболист-мультимиллионер путается в собственных ногах или как у него резинка на трусах лопаётся.

Я, кажись, отрубился, потому что очухиваюсь и вижу, что Берни забрал у меня пульт и сидит теперь на диване с коробкой “Героев”³³ и пакетом тортилий. С забинтованным запястьем ему чутко неудобно.

– Порядок, бро? – он мне.

– Тебе кто шоколадки дал?

– Сам себе. Любовь к себе, чувак, – вот как это называется.

– “Мудозвон” это еще называется.

– Спецпредложение это было на самом деле. Мать при- тащила в дом три коробки, по одной на каждого. Держи, – кидает мне пакет тортилий, – судя по твоему виду, тебе надо.

Я наворачиваю чипсы эти, а Берни перескакивает с кана-

---

³³ *Heroes* (изначально *Cadbury's Miniature Heroes*, с 1999) – торговая марка шоколадных наборов в картонных или жестяных коробках производства британской компании “Кэдбери”.

ла на канал. По крайней мере половина передач, которые он заценивает, мне нафиг не уперлись. Но никаких сил спорить с этим задротом у меня нет.

– Кино посмотрим? – он мне. Вроде пришел в себя, держится так, будто у нас все нормально.

– Только не всякое тупое фуфло, – говорю. – И никакой иностранщины.

Он выбирает старую комедию, которую мы смотрели сто раз, “Тропик грома”³⁴. Красота.

Бывает такое, когда похмелье потихоньку отпускает, но я и близко не в себе, мне это ощущение нравится. Я совершенно чумной, не могу сосредоточиться толком ни на чем дольше минуты, и в этом облегчение. Сегодня я с Джун ничего толкового не смог, но сил циклиться на этом у меня никаких.

Первая коробка шоколадок улетает у нас только в путь, мы спорим, кому идти в кухню за второй, и тут Берни заявляет с бухты-барахты:

– С чем тот пацан-то приходил?

Я знал, что он там наверху у себя подслушивает.

– Лишай. Убрали.

– Лишай. И, конечно, бородавки. Какие-нибудь признаки развития по части дара?

– В смысле?

– Ну, – заводит он, – Батя уже давно бородавки позади

---

³⁴ *Tropic Thunder* (2008, в российском прокате “Солдаты неудачи”) – американский сатирический боевик режиссера Бена Стиллера.

оставил, когда ему было – сколько? Десять? Одиннадцать? Перешел на язвы, опухоли и всякое прочее.

– Я вообще-то подумываю и за подошвенные бородавки взяться, – говорю ему. – У разных людей по-разному.

– При чем тут люди, бро. Я про сыновей, седьмых сыновей.

– Ты о чем вообще? Я и есть седьмой сын.

– Ты, без вопросов, полноправный сын. Вопрос насчет седьмого.

– Лоренс, Пат, Мик, Сенан, Мосси, – перечисляю. – Пять. Ты – шестой, а через четыре минуты я. Седьмой.

Поехавшие кукухи у него давно любимые птицы, что да, то да, но Берни обычно рассуждает вменяемо. А тут вдруг делается весь такой загадочный, подбирает ноги под себя и давай петь высоко так:

– “Твоя я сестричка, а ты мой...”³⁵

– Только ты мне не сестричка, – говорю.

– Штука в том, что, независимо от того, кто об этом знает, я тебе она. А ты при этом возвращаешься на позицию шестого сына.

Я гляжу на него, он глядит на меня. Люди в свое время отличить нас друг от друга не могли, когда мы были маленькие, вечно путали – стрижки одинаковые и все такое. И мне трудно смотреть, как версия меня самого смотрит на меня

---

³⁵ Парафраз строки из песни *You Are My Sister* (2005) американской чембер-поп-группы *Anthony and the Johnsons*.

самого, и понимать, что он не считает даже, что он – это он. Очень, нахер, глючно.

– Но вы заблуждаетесь, инспектор Морс³⁶, – говорю. – Как же, если я не седьмой сын, мне удастся показывать дар? Вы разве не видели лав³⁷ Джеймза Макхью две недели назад? Бугристая жаба. Через три дня – рука невинной девы.

Берни что-то мастерит из шоколадной обертки – складывает фиготень типа птички.

– Эффект плацебо, – говорит он. – Это самое обычное дело при бородавках. Может, этот эффект вообще в большинстве болезней срабатывает. Сила убеждения.

Я что-то не врубаюсь, но в голове суечусь. Что да, то да, бородавки – всего лишь бородавки. Но тут я напоминаю Берни про Сисси Эгар прошлой зимой и про опоясывающий лишай. Кольцо огня по всей талии, она тогда сказала. За ночь такое не проходит, и она уже начала антибиотики пить, но уверенно заявила, что я все ускорил.

– Я б сказал, тут сила семи, а не убеждения, – говорю.

Он пожимает плечами.

– При Бате и впрямь происходило что-то особенное, не поспоришь.

Он это не произносит, но я понимаю, что он подразумева-

---

³⁶ Инспектор Индевор Морс – персонаж тринадцати детективных романов британского писателя Колина Декстера и телесериала *Inspector Morse* (1987–2000) на телеканале Ай-ти-ви.

³⁷ Лав (ирл. *lámh*) – рука.

ет. В Бате было что-то особенное, а в тебе нету. Не может же он всерьез считать, что, раз он решил не быть мне братом, дара у меня нет. Кто-кто, а он умеет усложнить мне жизнь; в усложнениях он всегда на шаг впереди.

– Слушай, – говорю. – Не знаю я, что у тебя там происходит насчет самоопределения и прочего, но дар – это у нас в семье самая суть. На много поколений назад.

– Фрэнк, на дар этот насрать всем, кроме тебя.

– И тех, кто приходит ко мне лечиться.

– И то верно, очереди у дверей круглосуточно.

– Бате было не насрать. Хотя б из уважения к нему не надо смешивать твои дела с моими.

– Как ни печально для тебя, не могу, – он мне такой. – Тебе надо, чтоб я был тебе братом, тогда ты седьмой сын. А я нет. И никогда не был, Фрэнк. В некотором смысле ты мне еще спасибо сказать должен.

– Чего это?

Он говорит, может, я тогда меньше напрягаться буду: не придется сравнивать себя с Батей. В голове у меня с дикой скоростью несется прорва мыслей. Если просто верить во что-то, оно же не меняет ничего, ничего не делает всамделишным, так? Ну типа, раз Батя и Мать решили, что он мальчик, это же что-то значит. Он их сын. Ничего постоянного он в себе не изменил. Ладно, на здоровье, самовыражайся через длинные волосы и всякий там внешний вид, наряжайся, как новогодняя елка, если тебе так нравится, но так

кто угодно может, а потом взял и переоделся. Но я ничего не говорю, потому что Берни умеет сколупывать твои доводы вплоть до того, что остаешься с тем, что сам он думает. У него насчет чего угодно все так ясно всегда, даже когда мы были маленькие. Он сразу знал: “Я туда не хочу, я это делать не буду”. Он сейчас так про все это говорит, что я вижу: он уверен, что мне он не брат. Берни – он из таких, кто способен весь мир убедить, что черное – это белое. А если так, мне-то что делать? С пятью старшими братьями, а не с шестью?

Беру пульт от телика и делаю погромче. Сказать мне больше нечего, да и Берни затыкается. У меня такое чувство, что если мы продолжим этот разговор, занести нас может куда угодно. Слова заводят в такие места, откуда уже не вернешься.

Он начинает вот это вот головой – мотать волосами из стороны в сторону. Они у него почти до плеч, но сейчас типа так покачиваются.

– Чего это у тебя с волосами такое?

– Укладку сделал, – говорит.

– Где?

– А тебе зачем? Хочешь рекомендаций?

– Ты ж не к Кайле ходил? Она треплется хуже подметки оторванной.

Мать у Кайлы Куц – из постоянных клиенток, ходит к ней поровну и стричься, и сплетничать. Кайла эту новость по городу растащит, как масло по гренке: “Берни Уилан – он не

только гей, но и женщина”. Не то чтоб мне было не насрать, но есть в городе такие, кто только и ждет, чтоб кто-нибудь высунулся, – они тогда раз, и его окоротят. И речь не только о Берни: мне самому тоже прилетало. Я ж его брат-близнец, ё-моё. Мы с ним плавали в потемках еще до того, как первый раз вдохнули. Это одиночное заключение на двоих – на девять месяцев. Даже после того, как родились, мы были неразлучны вплоть до последних нескольких лет. Видимо, с Батиной гибелью все изменилось. А может, все бы изменилось в любом случае, потому что мы уже не дети.

– Да я дурака валяю, – говорит. – Сам уложил сегодня.

– Что?

– Прическу. – Он взмахивает волосами, смотрит на меня весь из себя серьезный. – Батя вообще ничего тебе не говорил, что ли?

– Про тебя?

– Нет, про тебя.

Задумываюсь, что бы ему такого сказать в ответ, но тут открывается дверь. Мать.

– Выбрось из головы, – он мне. – Пока есть люди, будут и бородавки, так ведь?

Мать проходит прямо в середину комнаты, бросает сумки и плюхается перед самым экраном.

– Ребятки, – говорит, – свет свету рознь.

Берни пытается направлять пульт в обход Матери, чтоб сделать погромче. Но она выхватывает у него пульт и – пыщ

– вырубают телик на беззвучку.

– Мы тут смотрим, вообще-то, – он ей.

– Можно записать на потом. Кто ждет, тот дождется. – Она ждет, смотрит на нас. Мы ждем.

– Так мы ждем, – говорит Берни.

В Матери что-то странно. У ней новая шляпка – островерхая такая фиготень из золотистого материала, но дело не в этом. У нее лицо другое, вроде как помягче или что-то. Может, имидж сменила.

– Свет, ребятки. Вся комната озарилась, все предметы на столе плавали в свете.

– Это где такое? – спрашивает Берни.

– У Мурта в кухне.

– Он, что ли, свет провел в шкафы? – спрашивает Берни не особо внимательно.

Мать не слушает, прет дальше.

– Он так лился, что одни только силуэты видно, всяких форм и размеров. Как родиться заново в этот свет.

Не в первый раз Мать возвращается от Мурта такая вот, голова кругом. У Мурта в гараже сбоку дома всегда была эта его мастерская починки обуви и изготовления ключей, но с тех пор, как Джанин ушла, он и комнаты набивает всякой херней. У него теперь вся гостиная и прихожая – типа комиссионки. Даже вывеску себе сделал снаружи: “Лавка Мурта”. Или же “Барахлавка” для всего остального мира. И в сарае на задах у него битком того же самого. Он свихнулся на рас-

продажах и аукционах. Никогда не знаешь, что у него найдется в кухне: набор серебряных подносов, которые он надраивает, или какая-нибудь звериная шкура в чистке и растяжке. Временами отыскивает в своих вылазках такое, что, как он считает, подойдет Матери в коллекцию. В прошлом году эту дурацкую стеклянную фигурку петуха ей дал. Она его назвала Габриэлом Пустельгой и применяет для общения с потусторонним. Это ее личный дух-проводник.

– Он тебе дал что-то на полочку? – спрашиваю.

– Фрэнк, не беги поперед паровоза, – она мне.

В конце концов нам выкладывают все целиком. Началось с того, что Мурт с Матерью двинули на станцию. Приезжают они, а Лена уже там с Локи Дунном, начальником станции. Тот ей помогает перетаскивать гору коробок. Это сразу говорит о том, какая Лена манипуляторша, потому что я видел, как Локи прячется за своей стойкой, а рядом колясочникам приходится чуть ли не самим подъемник строить, чтобы влезть в поезд. Славится он тем, что даже для собственного согрева работать не станет.

Мурт не то чтоб ожидал столько Лениного добрища, а Лена не ожидала увидеть Матерь, тут они тары-бары немного разводят, и в итоге Матерь сидит на заднем сиденье, а на больном колене у нее деревянный ящик.

Когда добираются к Мурту, из коробок появляются статуэтки, несколько картин-абстракций и в целом груда рухляди. Выясняется, что Лена последние полгода жила в некой тера-

певтической общине, занималась там искусством и растила лаванду, а теперь вернулась, чтобы влезть в Муртово предприятие.

– А что такое “терапевтическая община”? – спрашиваю.

Сразу видно, что Мать не очень в курсе.

– Ну, что бы там ни было, никакой выпивки или наркотиков и ранние подъемы вместе с солнышком. Кроме зимы. Зимой они в спячке. Без интернета. Не знаю, пользуются ли они там мобильными телефонами вообще. Она поэтому и не выходила так долго на связь.

– Черт-те что и сбоку бантик, – говорю.

– Охренеть, блин, – добавляет Берни.

Лена утверждает, что все ее барахло – настоящие духовные предметы. Среди них Пражское Дитя в ползунках и дредах – судя по всему, в точности того же размера, что и настоящее Пражское Дитя³⁸.

– Мелковато что-то, – Берни такой.

– Его тело усушили на реликвии, – отбρίζει Мать, после чего берется описывать остальное.

– Зачем усушивать детское тело? – спрашиваю, когда Мать умолкает, чтобы перевести дух. – А еще интереснее, как?

– Так же, как что угодно. Нагревом, паром.

---

³⁸ Имеется в виду восковая фигурка Младенца Иисуса, находящаяся в пражском костеле Девы Марии Победительницы, предмет паломничества католиков со всего света.

У ней талант выдумывать всякую херь на ходу. Я и впрямь начинаю ржать и вижу, что Берни очень старается наоборот. Матери хоть бы хны.

– Они там придают вещам навороченности.

– Замороченности? – Берни, отвлекшись: он там чуток вкрутил звук, но негромко.

– Наворачивают всякое. Разрисовывают, украшают, – Матьер ему. – Типа нашивают блестки на Приснодеву Марию, боа из перьев накручивают. Вот такое.

Такой шизовой херни от Лены и ждешь. И, конечно, своим дружкам она пообещала, что они чуток деньжат сколотят, если спихнут этот хлам через “Барахлавку”. Она хочет, чтоб на Волчью ночь Мурт убрал свое из витрины и поставил туда их херню.

В общем, Матьер распознала пару знакомых лиц: кругленькое брюшко Будды под костюмом Бэтмена, а еще высокого темного Мартина Де Порреса³⁹ в балетной пачке и жемчугах.

– Но как только он появился из коробки, у меня взгляд сразу же к нему так и притянуло, – говорит она. – Едва устоял на краю стола, Падре Пио⁴⁰ его локтем пихал.

Не смогла удержаться, говорит, потянулась прикоснуться

---

³⁹ Святой Мартин де Поррес (1579–1639) – перуанский монах ордена доминиканцев, первый мулат-американец, канонизированный католической церковью, покровитель мира во всем мире.

⁴⁰ Падре Пио (в миру Франческо Форджоне, 1887–1968) – монах итальянского происхождения из ордена капуцинов, почитаемый католический святой.

к лицу его.

– К лицу Мурта?

– Блин, статуи, идиёт. – Уходит в прихожую, а сама напевает “Когда увидела твое лицо”⁴¹. Возвращается с магазинным пакетом и вытаскивает оттуда эту деревяну.

Я подаюсь вперед, чтоб разглядеть поближе. На случай, если вы вдруг воображаете себе бюст типа как у киношной звезды или настоящую иисусоподобную статуэтку, оно тут совсем не то. Если есть в мире статуэток дерево уродства, эта хрень не просто обломала все ветки на пути вниз – она из пня вылезла. Это буквально полено, на котором очень грубо вырезано лицо и малюсенькое туловище. Если присмотреться, я б сказал, голова и туловище – не один кусок. Затылок, похоже, отпилили от большего куска, и кто-то приделал воротничок с приклеенными к нему вороньими перьями. Мазнули это дело плакатной краской – синий у глаз и по одной красной полоске на щеках: так раскрашиваются, когда в ковбоев и индейцев играют.

– Что за святой? – спрашиваю.

– Это задолго до того, как святых изобрели, – говорит Мать, а сама вся распушилась от гордости. – Будьте уверены, этих бы отец ваш обошел стороной.

– При чем тут вообще Батя? – Берни ей.

---

⁴¹ *The First Time Ever I Saw Your Face* (1957) – композиция британского автора песен Юэна Макколла, сочиненная им для американской фолк-певицы Пегги Сигер.

– Никогда б не подумала, что смогу вновь влюбиться. В того же самого мужчину. Молния, стало быть, может ударить дважды, мальчики.

– Похоже, в этот конкретный сучок она била не раз, – Берни ей.

Мать воздвигается перед Берни, лицо грозное.

– Не смей так с отцом разговаривать.

– Что за фигня?

Мы все смотрим на эту убогую хрень на ковре. Чтоб мне нахер провалиться, если не цепляет меня вдруг, что эта штука на меня смотрит. Но быстро проходит.

Мать убеждена, короче, что в этой фигурке сидит Батин дух. И, что характерно, Лена, как только вдуплила, что Мать эту штуку хочет, решила не отдавать. В конце концов, когда Мурт с Леной взялись мощно препираться, Мать фигурку под мышку – и ходу. Хошь как хошь, а она с ней ушла.

– Вот, мальчики, встречайте отца, – она нам. И на этом забирает фигурку и валит в кухню.

Шестой сын седьмого сына

Мать к нам не возвращается, уходит к себе наверх. Наша реакция ее уела небось, а может, собирается уютно заночевать со своим возлюбленным поленцем. Я толком не знаю, что и думать. Берни говорит, через несколько дней у нее пройдет.

– А ты что-то заметил – ну, в фигурке той? – спрашиваю.

– Нет, конечно. Да и вообще, что за беда, если ей в радость. – И такой включает телик. – Милости просим на покой, Батёк – деревянный Божок.

– Что?

– Ну помнишь, “дилижанс несется домой в Сухостой”⁴², – напевает он.

Уж он-то слова точно помнит: это одна из любимых Батиных песен. Батёк-Божок. Класс.

– Она скучает по нему, правда? – я ему.

– Ну да. Любовь это, наверно.

Замечаю, что один из кубков Берни лежит на полу за диваном. Может, пацан его стирить собирался.

---

⁴² Отсылка к *The Deadwood Stage (Whip-Crack-Away!)* (1953) – композиции из американского киномюзикла “Бедовая Джейн” (*Calamity Jane*), сочиненной Сэмми Файном и Полом Фрэнсисом Уэбстером; в фильме ее исполняет Дорис Дэй. Дедвуд (*Deadwood*, *англ. букв.* мертвый лес, сухостой) – городок в Южной Дакоте; в горной долине на том месте, где он возник, золотоискатели в 1870-е годы обнаружили много засохших деревьев.

– Та женщина, что вчера приходила с лишайным пацаном, – говорю, – на нее твои медали и все прочее сильное впечатление произвели.

– Да ну?

– Звать Джун. Работает с детьми. С неуравновешенными или у кого неприятности. Это не ее сын.

Берни пожимает плечами, принимается переключать каналы, ни на чем не задерживаясь.

– Я б сказал, интересная работа, – жму дальше.

Хотя я почти ничего не сказал, Берни выпрямляется в кресле и смотрит на меня в упор.

– Кстати сказать, я ее видел – смотрел в окно, когда она уходила. Заметил мелирование. И стрижка тоже милая.

Не знаю точно, что такое “мелирование”, лезу в телефон, чтоб глянуть. Но Берни уже закусил удила.

– Ты, значит, находишь ее интересной. Это интересно. Может, она тебя тоже находит интересным, Фрэнк. Знаешь, куда может обоюдный интерес завести? Если ты почешешься.

Не обращаю на него внимания, перелистываю уйму фоток с прическами, и все они по сравнению с Джун смотрятся очень липовыми.

– А что там Лена? – говорю, чтоб сменить тему. – Судя по всему, она прям-таки явилась не запылилась.

– Удивительно. Болтают, что она побила кого-то в том ее

терапевтическом месте. На ферме под Туллоу⁴³. Поэтому ей и пришлось ноги уносить куда подальше.

– Что? Это где ты слышал?

– Фиг знает. Болтают.

Несколько минут мы смотрим какое-то реалити-шоу про парня и десятерых женщин на необитаемом острове. Барахло, но тут вдруг одна девушка тырит еду, взлезает на дерево и следит за остальными, а сама обжирается. Во дает. Хотя и не очень поздно, мы уже зеваем – после прошлой ночи никакие. Берни уходит, я вскоре иду следом.

Лежу в постели – моя комната посередке между Берни и Материной – и слышу обоих: она слушает радиопередачи со звонками в эфир, он гоняет музыку и подпевает. Небось в наушниках – если честно, петь он умеет и получше. И тут я узнаю песню: “Переживем”⁴⁴; Берни орет на всю катушку. Вот так подумаешь о том, как мы себя раскачивали этой песней на беговой дорожке, когда были помладше, – и куда все теперь девалось.

Бросаю в стену ботинок.

– Заткнись.

– Пошел ты.

Бросаю баллон с дезодорантом в другую стену.

– Mam, выпей таблетку.

---

⁴³ Туллоу – городок в 15 км к востоку от Карлоу.

⁴⁴ *Float On* (2004) – композиция американской рок-группы *Modest Mouse* с альбома *Good News for People Who Love Bad News*.

Но и когда они успокаиваются, я все равно заснуть не могу. Берни забил мне баки. Вечно он голову морочит. Не дает мне покоя: а что, если мой дар застыл из-за этой темы с Берни?

Только сомненья-то мне в голове и не хватало. Когда кто-нибудь заваливает в дом со своими экземами или больными коленками или чем там еще, мне первому, прежде них самих, надо верить в исцеление. Поэтому Мать таких успехов добивается. Она уверена на сто процентов, без балды, в то, что умеет общаться с тем, что по ту сторону. Я это вижу, когда она болтает со своей коллекцией на полочках. Вечно шутики шутит с теми стеклянными зверушками, заигрывает с малиновкой в цилиндре, у осьминога с брильянтовыми глазами спрашивает мнения насчет одежды. А когда с маленькими счётами беседует, голос у нее делается застенчивый. Говорит, они очень умные, в них мозг китайского философа. Временами она такая убедительная, что мне чуть ли не кажется, будто я слышу, как они ей отвечают. Ничего-то в этом доме нету простого. Мысли у меня уже мечутся как угорелые. Вот от чего Батя меня всегда предостерегал: от чрезмерного думанья.

– Ты слишком много думаешь, Фрэнк, и это не самая сильная твоя черта, – говорил он мне. – Оно все в делании. Не думай – давай-ка, берись.

С тех пор, как его не стало, я всюду вижу эту “найковскую” соплю и “Просто делай”. Одно – так рассуждать, когда ты

Роналдо, и совсем другое – когда я.

Хочу уснуть, но пить охота жуть как, рот – как сухая тряпка. Решаю сходить вниз, заварить чаю, может, еще тост себе сделаю. Прохожу мимо Материной комнаты, дверь открыта, и я замечаю фигурку на полу, лицом ко мне. Я б и сам разглядел ее хорошенько. Захожу, беру, Мать даже не шелохнется.

Жду, пока вскипит чайник, ставлю фигурку на сушилку. Уж как там, может, свет падает на резное дерево, но глаза эти смотрят прямо на меня.

Мать велела смотреть в глаза – и она права. Берни говорил, что все дело в расстоянии между глазами и носом, что-то научное насчет того, что нас тянет смотреть на глаза и рот, и если глаза друг от друга подальше, как у этой фигурки вырезано, у человека голова может чуток пойти кругом. Особенно если нос ниже, чем должен быть. У некоторых людей бывают такие лица. Что да, то да – Берни, похоже, знает, о чем толкует. Вот как Эван, который за баром стоит в “Эсквайре Магуайре”, – у него странный вид, но от него тоже взгляд не оторвать. Анджела Макканн на кассе в “Теско” – она уродина, каких, блин, не сыщешь, но когда говорит: “Клубная карта есть?” – даже если хоть на миг встретился с ней взглядом, отвести глаза уже никак. И еще полбеды, если смотришь на половину ее лица, но как только она поворачивается взять у тебя наличные, обоими глазами к тебе – всё. Сперва тебе кажется, что никак их оба сразу не удержать в

поле зрения, уж очень они далеко друг от друга, а нос подался куда-то вниз, но все разом тащит тебя с собой, как хорека – кролика, и ты ей в итоге чуть ли не двадцатку вместо десятки даешь.

С кружкой чая в одной руке я беру божка другой и несущего к столу. Знаю, это дурь, но тут надо мной некому ржать.

– Как дела, Батя-Божок?

Начинаю выкладывать ему, как у нас тут всё: Мосси уехал, Мать первый год замкнулась, даже не пыталась выбираться куда-то, пока Мурт не устроил ее работать к Моррисси.

Он глазеет на меня с таким видом, будто это все давно известно. За чаем и болтовней расслабляешься. Мать права: что-то в этой штуке и впрямь наводит на мысли о Бате. Затякаюсь на время, чтоб слазить в буфет – поискать шоколадку. Усаживаюсь обратно, а он все смотрит на меня, и у меня такое чувство, будто сказать мне что-то хочет.

– Ты про дар, Бать? Хочешь что-то сказать мне насчет седьмого сына?

В ответ ничего.

Не знаю, с чего вдруг, но берусь рассказывать ему про Берни. Про то, что произошло в больнице и потом.

– Дело такое, Бать: допустим, у Берни там что-то женское внутри есть, – может, оно отбрасывает тень и на меня, даже если я про то не знал. Немудрено тогда, что я застрял на бо-родавках и лишае.

Как только сказал это все вслух – чувствую, что вроде как

закладываю Берни. Сказал бы я это Бате, если б он вправду был здесь, сидел напротив меня за столом? Наверное, нет.

– Я, бывало, раздумывал, бывали ль у тебя сомнения насчет меня, пока ты был здесь, – ну, раньше. И тут я застрял: так и не выпал случай, чтоб ты напрямую сказал мне, что веришь в меня.

Зачем ему это все теперь? Он погиб, не зная ни о чем, считал, что у него семь сыновей. Считал, что я его седьмой и что дар перешел ко мне, как и полагается. Вот что на самом деле значимо. Во что он верил, в то верю и я. А не что там Берни про это говорит.

Ну я и давай рассказывать ему про сегодня, про Джун, и про пацана, и про бородавки. В итоге описываю Джун: как она держится немножко надменно, но, может, старается не смеяться. Надеюсь, не надо мной. А посмеяться она любит, я б решил. Понимаю, Батя лицом пошевелить не может, но есть сейчас в Божке – в том, как он смотрит на меня, – что-то более внимательное.

– Штука в том, Бать, что я б хотел позвать ее куда-нибудь. На этом фронте у меня пока не очень. Я очень даже “за” насчет связаться по-серьезному, как любой парень, но оно мне покоя не дает, что у меня обязательства продолжать семейную традицию и всякое такое, семерых сыновей родить надо. И каждый раз, как начну с какой-нибудь девахой встречаться, лезет в голову мысль эта и весь кайф насмарку. Как,

нахер, Человек дождя⁴⁵ я, начинаю считать в уме, сколько лет нам надо, чтоб родить семерых детей – в идеале, подряд семерых мальчиков. А если у меня девчонки, а не парни пойдут, – ну, если не двойняшки или тройняшки... По самые брови буду в подгузниках и срани – и во сколько все это встанет вдобавок? А если тряпочные использовать, как в старые времена? Не в смысле чтоб как хиппи или что-то, а чисто чтоб сэкономить, она на такое пойдет? И прикидываю цифры в уме, чтоб у меня крепкие доводы были... И тут уж, хоть я ничего вслух и не сказал, девахи вроде как улавливают что-то – сцепление-то у тебя не до конца вроде как срабатывает. Я знаю, я слишком много думаю, но вот, бывает, зайдешь глотнуть чего-нибудь и думаешь: “Ей придется рожать семерых”, – господи, вот где присмотришься-то к девушке хорошенько. Иногда только соберешься закемарить ночью, как перед глазами цифры встают. Я их вижу, малышню эту лысую в подгузниках, верхом на лохматых овцах, скачут в ворота с одного поля на другое. У тебя небось таких заморочек не было?

Батя в свое время вечно надо мной смеялся, одними глазами, и чтоб мне пусто было, блин, если это расфуфыренное полено не смеется точно так же вот сейчас.

---

⁴⁵ “Человек дождя” (*Rain Man*, 1988) – американская кинодрама режиссера Барри Левинсона о дорожных приключениях аутиста-саванта и его брата.

В доме любовь

Тебе будут рады, вернись сюда вновь!
Сразу понятно, есть ли в доме любовь!⁴⁶

Оно очень даже приятно тут, в кухне на столе, когда все разошлись спать. Как поется в песне, стол и стул по-своему умеют улыбнуться и пригласить присесть, погостить. Толком не замечал раньше, как льется над мойкой свет, когда выходит луна. Каждый предмет, когда вот так окутывает его белым покровом, обретает свое особое измерение. Сахарница, кувшин и чайная ложка на рабочей столешнице, когда свет стягивает их воедино, кажутся ансамблем. Сушильная доска – серебристый ледяной каток с выброшенными на него перевернутыми кружками, они ждут, когда за завтраком их поднимут и вновь польется в них горячий чай. Всякие чудные хрени валяются рядом – моток бечевки и пинцет. Вот они-то смотрятся зловеще уж точно, не место им тут, все кромки заострены лунным светом.

Может и потемнеть – внезапней некуда, набегут облака, затенят все вокруг. Устранят своеобычность окружающего.

---

⁴⁶ Строки из песни *Love in a Home* (1956) из бродвейского мюзикла “Малыш Эбнер” (*Li'l Abner*) на стихи Джонни Мерсера, музыка Джина де Пола, впервые исполнена Питером Палмером и Идит Эдамз. Один из наиболее известных исполнителей – Перри Комо (1968).

Вот еще одно слово, которое я никогда раньше не употреблял, – своеобычность. Но теперь я больше ничего не боюсь. Меня все знали как бесстрашного человека, и физически, и умственно: и на дорогах, и на игровом поле, и в любой компании. Но, как и многие, я свои границы таскал в себе. Такое вот слово – своеобычность – эдак запросто вбросить в разговор никогда не умел. А теперь, похоже, расширяюсь во все стороны. Своеобычность... чешуйка со шкуры родной речи. Мне теперь хоть бы хны, позволю себе хотя б раз.

Когда ты всего лишь предмет, в моем случае – деревяшка, стихии играют с тобой так, как не могли, пока ты был жив, и надувались легкие, и набрякали вены. Взять вот восход дня: первый свет поднимается и поднимается, пока не затопит окно. Пока я был жив, если встал рано поутру, приговаривал: “Красота какая. Подъем, ребятки, труба зовет. Что надо день для стирки и сушки, Матьер”. Но едва потрачу хоть минуту, чтобы дать свету пройти по мне, омыть меня, вот как сейчас. Я, замкнутый в деревянном своем укрытии, омыт светом и тьмой – днем и ночью. То же и с шумами: скрип половиц, гул и вздохи холодильника позади меня, время от времени шорохи снаружи за дверью во двор – то идет мимо кот, ночной охотник, а может, и лиса. На милости у всего этого, до чего же милостивая это штука – жизнь после смерти.

Попытка не пытка, опишу свое нынешнее положение, хотя все оно целиком мне невдомек. С тех пор, как не стало меня, в природу мира духов я никакого особого прозрения

не обрел, ничего такого сверх того, что можно сообразить в любой день, когда вдыхаешь и в то же самое время осознаешь это. Но в самом чудесном смысле слова это для меня нисколько не важно. Если б было мне что посоветовать из великого запределья, сказал бы так: что б там жизнь ни совала в руки – если не питать надежд понять это, принять будет куда проще.

Сам-то я обустроился в деревяшке, обряженной будто замысловатая статуэтка. Но прежде эта самая статуэтка подпирала диван в каслбарской комнатенке⁴⁷. Я более чем доволен таким улучшением положения. Учитывая, сколько вокруг подобной всячины, я мог бы угодить в чайный сервиз или в шезлонг. А потому обзавестись худо-бедно лицом, в какое люди могут смотреть, – будь здоров удача. И потому они все со мной разговаривают и обращаются исключительно бережно.

Та песня, ну, про желтую ленту на старом дубе, никогда ничего особенного мне не давала – просто так подпевать только. Но теперь у меня с ней иначе, потому что теперь это и моя правда: “Вернусь домой, свой срок отбыл”. И прикидывать, помнят ли тебя, есть ли до тебя хоть какое-то дело? Хотя сдается мне, я свой срок только начинаю.

“Теперь-то я узнаю, что мое, а что не мое”. Семья по-прежнему приходит мне на выручку: Мать выбрала меня из целого строя похожих ребят у Мурта на столе. А теперь

---

⁴⁷ Каслбар – городок в графстве Майо в 250 км к северо-западу от Карлоу.

вот Фрэнк встал посреди ночи, спустился излить мне душу. Весь, как обычно, в узлы вяжется. Слышу, как он, хоть и лег уже, а все ворочается и ворочается, что твой пес блохастый.

Возвращаясь к моему положению: не первый я жилец в этом полене. Кое-какие штуkenции, как я теперь выяснил, направляют духов домой. Такой вот вагон, отцепленный от паровоза, стоит на запасных путях перед последним рывком до конечной станции. Речь не о перчатках Падре Пио и не о щепке от клятого венца. Самые что ни есть простые хрени. В рукотворных материалах, как я понимаю, – например, в пластиковых игрушках или батарейках – недостаточно сродства с человеческим духом, чтоб он в них обжился, даже ненадолго. А потому, если боитесь измерений за пределами того, что вам видно, лучше построить себе дом на вершине свалки, туда мало кто поселяется, хоть зримый, хоть нет. Впрочем, пока я это все говорю, может, уже есть какой-нибудь извод червяка или таракана, какие способны переваривать клятый пластик и срать чем-нибудь получше. Когда такое случится, вас после кончины может перебросить в какую угодно емкость. Нужно лишь, чтобы выдерживало смену времен года, начала и окончания.

Короче, хватит уже о деревянной скорлупе, в которой я обитаю. Чую, время вокруг меня сгущается, долго я здесь не пробуду. Не более чем та повесть, что близится к своему завершению. В концовках есть удовлетворительная определенность, особенно после того, как от пули уклонишься,

от стрелы отскочишь, смерть превзойдешь. Рано или поздно этому сдаешься. Был у меня двоюродный под Мишаллом⁴⁸, лицо ему перекосило парезом. Но как только выдохнул он в последний раз, его костлявые, как у меланхоличной гончей, черты объяла безмятежность.

Старый домашний очаг бередают, значит, всякие дела. Все-го лишь угли, но от легкого дыхания вопросов, какие задает мой сын Фрэнк, они разгорятся. С того места, где я сижу, все видно отчетливее. Взять, допустим, Берни. Мальчик девочка мужчина женщина, как изысканнейшее виски – пей хоть из банки из-под варенья, на вкус не повлияет. Порядочная душа, и, как бы жизнь ни повернула, Берни любовь найдет. Потому что она из этого ребенка изливалась всегда.

То ли дело Фрэнк. Ставит клятую деревянную черепушку мою на кухонный стол, смотрит на меня в упор так, будто я тут все еще живой, а он серьезный кроха-гасун⁴⁹, пытается сообразить, как у меня шестеренки в черепе крутятся. Пытается разобраться в волшебстве, которое превышает целительства – в волшебстве самого бытия. Просто быть, просто быть. Оставить как есть – вот с чем бедолага Фрэнк не справляется. Что я сам добавил к его неприкаянности, сказать не могу: хотел лишь, чтобы он был волен быть таким, какой есть. Каким он оказался и что бы это ни подразумевало – дары, таланты или слабости, – мне все едино. Я решил, что дар,

---

⁴⁸ Мишалл – деревня в 22 км к югу от Карлоу.

⁴⁹ Гасун (*ирл. gasún, искаж. от англ.-норм. garçun*) – мальчик, сынок.

который ему передам, – это любовь к нему, какой он есть, а не к тому, что он умеет делать.

Вусмерть вы правы, мистер К.:

Тебе будут рады, вернись сюда вновь!

Сразу понятно, есть ли в доме любовь!

В чем ключ?

Первым делом поутру на дух не выношу, когда собираешься на работу и не можешь свое барахло найти – ключи и прочее. Батя-Божок стоит на столе, смотрит за мной. От этого только хуже, когда тебя прессуют. Закидываюсь кружечкой, бросаю плошку из-под кукурузных хлопьев в мойку.

– Не знаешь, где мои ключи, Бать? – Без толку. Новый набор придется заказывать. Иду к Берни, стучу в дверь. – Одолжи ключи, Берни. – Нет ответа.

Хватаю из буфета шоколадный батончик, и тут спускается Мать. Вид у нее умученный.

– На работу, сын?

– Ага. Хотя смерть как медленно все. Вчера заставил нас прибираться в цехе. Ну хоть пятница.

Мать наливает себе чаю, придвигает Божка к себе.

– У тебя со скольких? – спрашиваю.

– Не раньше одиннадцати. Хочу убедиться, что Берни встал. Ему надо рецепт у доктора Кларка взять.

– Я опять ключи потерял. Скажи ему, что я взял его велик. Мой сдулся.

В груди курток, наваленных на кресло, ищу свой кошелек и поэтому не очень ловлю, что она там говорит, а она все толкует про людей и что она даже, может, нажалуется стра-

жам⁵⁰.

– Насчет чего?

– Насчет тех парней, которые швырялись в Берни, – это его довело. Пусть он и не помнит толком, что было дальше.

Надо оставить как есть. В смысле, мы все устали после больницы, а Матерь с этой деревяшкой теперь носится. Но нет.

– Он иногда сам себе враг хуже некуда, – говорю.

Она глядит в чашку с чаем. Ноль эмоций.

– Может, ему, не знаю, сменить обстановку или как-то.

– Берни в первую очередь и больше всего нужна поддержка семьи.

– В чем?

– У него какой-то кризис – ушел из колледжа, не в своей тарелке. Врач его на какие-то антидепрессанты посадил, Фрэнк. На том же самом у них Оливия Бирн, она даже с пультом от телевизора не справлялась. Рассказывала, что застряла на целый день на каком-то канале, где хеви-метал крутят. Едва с дивана встала, чтоб выключить.

– Все это и на других людей влияет. У меня, может, лучше получится развивать дар, если все будет, типа, чуток поустойчивей. – От Матери – ни слова. – Я за тебя беспокоюсь больше всего, – гну свое. – Тебе без всей этой херни было бы проще.

---

⁵⁰ Стража (гáрдаи, *мн. ч.* от *garda* (*ирл.*)). Гарда Шихана (*ирл. Garda Síochána*, “Стража правопорядка”) – ирландская полиция.

Знала б она хоть половину того, что с Берни происходит.

Она встает, глядится в дверцу микроволновки, вдевает эти здоровенные серьги.

– Тебе разве плохо на лесопилке? – Прибирается на столе, кладет тарелки в мойку. – У тебя руки умелые.

Нет у меня намерения провести там остаток жизни, кормить голодную пасть щеподробилки, чтобы все руки в занозах, да кататься на погрузчике туда и обратно по лесопилке. Выходя через заднюю дверь, пробую напоследок:

– Не годится это место для Берни. В большом городе он будет счастливей. Был бы тут Батя, он бы, думаю, сказал то же самое.

Мать – сама невозмутимость. Умеет она так вот вдохнуть, будто воздух просачивается ей через нос и только потом попадает в легкие. Пару раз она вот так сопит.

– Ты за меня вообще не волнуйся. Если б ему было что сказать, – она мне, кивая на Божку, – он бы сказал, что поправить в этом месте надо только одно: твой настрой.

Вроде чушь, но есть в этой клятой деревьях что-то такое, что притягивает взгляд, будто она участвует в разговоре. Мы с Матерью одновременно поворачиваем к истуканчику головы. Божок на Батю не похож нисколько – у Бати была копна кудрей, черных как я не знаю что, а в них седая прядь. Нос у него был типа широкий такой, а у этой деревяшки его по-уродски нету. И все же в этом деревянном лице что-то Батю напоминает.

– Может, тут-то и конец преемственности, – говорит Мать – скорее Божку, чем мне.

– Ты о чем?

– Не знаю, бывало ли вообще у прошлых поколений, чтоб оно проявлялось так поздно. Я про дар, Фрэнк.

Это удар под дых. Она все еще дуется на меня за то, что Берни угодил в больницу. Батя всегда говорил, что уверенность – половина исцеления, как ни крути. Может, если б окружающие выказывали больше уверенности во мне, оно и пошло б на пользу.

– Было б мило, если б нашелся кто-то такой, кто на самом деле знает об этом даре хоть что-то. Я тут пытаюсь вытянуть все это дело в одиночку.

– Ну, если ты считаешь, что от меня проку нет – пускай я прожила с твоим отцом сорок с лишним лет, – поговори с дядей Муртом, – супится она. – Он Уилан до мозга костей.

После чего удаляется в прихожую за своей сумочкой.

* * *

Уходить с работы до пяти вечера нам не положено, но в обед босс Деннис говорит мне, Скоку и Хеннесси, чтоб шабасили раньше. Оно и понятно, дел сейчас немного.

Когда я возвращаюсь домой, Мать все еще на работе, а Берни, видимо, слинял куда-то; в дом я попасть не могу. Проверяю, нет ли запасных ключей под Материным вазоном

в виде колодца желаний, но те я, кажется, тоже потерял. Пишу Матери насчет, может, еще одного запасного комплекта. Она велит зайти в “Моррисси” и взять у нее.

Ричи Моррисси – перед супермаркетом, сторожит пустую парковку.

– Как сам, Фрэнк.

– Порядок, Ричи.

С тех пор, как городской совет установил паркоматы, люди повадились использовать “Моррисси” как лучшую бесплатную парковку в городе. Ричи одержим: записывает номера приехавших машин, строчит письма политикам, пытается заставить городской совет установить какое-нибудь заграждение. Теперь выясняется, что юридическое право претендовать на часть этой парковки имеет “Чистка Кео” по соседству. Они уже начали оставлять здесь свои фургоны со стиркой; это грозит полномасштабной войной.

– Ты слышал про... – начинает Ричи, но вдруг его и след простыл: с дальнего конца на парковку вкатывается чей-то белый фургон.

Внутри Мать выкладывает товар в отделе выпечки. Ее попросили не носить на работе шляпы, проредить амулеты и кристаллы, но она держит позиции: на ней красные серьги – здоровенные обручи.

– Ты подсел на эти пирожные с кленовым сиропом и пеканом, – говорит. – Третий раз на этой неделе. Фруктов чего не хочешь? Вот голубика в распродаже.

– Не за этим. Я тебе писал, что мне ключи нужны.

– Бери, но чур сразу метнешься к Мурту, чтоб он тебе сделал дубликат.

– Шик.

Я все равно собирался расспросить его про фигурку. Может, выведаю что-нибудь насчет семейной истории и всей этой темы с Берни. Матьер выуживает кольцо с ключами из кармана. К ключам приделана соломенная фигурка. Очередная новая мулька.

– Не потеряй. Это мне Мурт подарил. Откопали вместе с болотным человеком с холма Кроган. Этот манин⁵¹ нашелся в одной руке, а в другой был клочок человеческих волос. И фунт масла сливочного.

– Тысячи лет назад люди взвешивали масло в фунтах и унциях?

Пусть держится фактов. С чайной гущей она справляется прилично, однако попадет впросак, если вот так будет увлекаться всяким спиритическим. То у нее все четко и ясно, а то отсебятина прет. Я сходу вижу, когда она перескакивает с того, с кем там общается, в собственное воображение, – как канаву перепрыгнуть. Зря она так.

– Ну, прилавка витринного и весов у них не было, – она мне, – но масла кусок был немалый.

---

⁵¹ Кроганский старик – фрагмент человеческого тела, хорошо сохранившийся в торфяном болоте; человек умер, по мнению исследователей, между 362 и 175 годом до н. э.; найден в 2003 году близ холмов Кроган в графстве Оффали. Манин (ирл. *manen*) – карлик, человек.

Она возвращается к стойке с выпечкой. Кладу ключи и соломенную фиготень в карман и быстренько оглядываю полки.

Ничто не сравнится с запахом свежей выпечки. Закрываю глаза и вдыхаю поглубже. Может, возьму пару тех пирожных с кленовым сиропом, отвезу одно Мурту. Он жуть какой сладкоежка, вечно ириску сосет или карамельку лимонную.

– Фрэнк, ты когда-нибудь научишься щипцами пользоваться, как цивилизованный человек?

– Потом. – Удаляюсь с пирожными и ключами.

На парковке Ричи стоит у выезда и орет на стремительно отъезжающий прачечный фургон. Лицо у Ричи багровое, он потрясает кулаком. Скрытые глубины страсти. Мать годами твердила, что у него в недрах графства спрятана какая-то краля. В это трудно поверить – уж такой он с виду сушеный мужик, вечно полки проверяет да коробки пересчитывает, мало что интересно ему вне предприятия. Говорят, не стоит судить о книге по обложке. Кстати о книгах: Мать показала мне его женщину на сеансе “Голоса по ту сторону Великого Водораздела” в Хакетстоуне.

– Это она, библиотекарша, – прошептала она перед началом сеанса. – Говорят, только на ней передвижная библиотека и держится.

Глядя на копну забранных кверху светлых волос и красную блузку с глубоким вырезом, с которой пуговицы чуть не отстреливаются, силясь удержать то, что им полагается удер-

живать, я вполне себе представил, как пацаны с гор исходят слюнями, глядячи, как библиотечный фургон взбирается на макушку далекого холма.

— Ну, говорят же, что чтение расширяет горизонты, — сказал я ей, когда стали гасить свет.

Катясь на велике к Мурту, я типа отплываю в мысли о великом водоразделе между мной и Джун. Как мне придется прыгать сильно выше собственной головы, чтоб начать встречаться с такой девушкой, как она. Хотя вот Ричина подруга смотрелась куда как вне пределов его досягаемости. Так вот и задумаешься: поди пойми вообще, чего людям надо. Особенно когда речь о чувствах. Типа, а что если б выяснилось, что у Джун есть парень и это их пацан? И, допустим — просто разговора для, — я ей оказался интересен. Пошел бы я на такое? Это ж просто невезуха со временем в каком-то смысле — если встречаешь правильного человека не вовремя. Или и того хуже, если б у меня кто-то был, у нас бы уже пара детей завелась, и тут я встречаю Джун и понимаю, что мы друг другу подходим идеально? Хотелось бы думать, что не выставишь себя, блин, полным идиётом. Как Ричи Моррисси. Или похлеще чего — дуру из своей жены сделаешь. Но одно дело рассуждать, что человеку правильно делать, а другое — самому выяснить, тот ты человек или нет.

“Барахлавка”

Добираюсь к Мурту, он сидит на улице, послеобеденное солнышко впитывает. На дорожке к дому у него новый стол, а к нему стулья с вычурными металлическими ножками.

– Как дела, Мурт?

– Фрэнк, я тебя сто лет не видел. Все хорошо. Как сам?

– Неплохо. – Вручаю ему ключи и пакет с пирожным. – Мне б опять выточить комплект.

– Ждал тебя на прошлой неделе. Ты сообщение мое получил насчет умывальников?

– Забыл.

– Если их ошкурить и лаком вскрыть, их с руками оторвут.

Из всех братьев Мурт был с Батей ближе остальных. Крак⁵² с ним что надо, хоть ему и семьдесят пять, никак не меньше. Не знаю почему, но для меня у него всегда есть время. До того, как вышел на лесопилку, я помогал ему: катался по распродажам и аукционам, да и по гаражным ярмаркам.

– Кофейку, Фрэнк?

– Лена дома?

Надеюсь, нет. Она так вот голову отворачивает, когда со мной разговаривает, будто я дворняга какая. Тоже мне кокер-нахер-пудель.

– Не. С друзьями встречается. С этой группой, куда

---

⁵² Кракъ (*укр. craic*) – потеха, веселье.

она вписалась, – “Ятопия”. Отделений у них больше, чем у ГАА⁵³, похоже. Вроде арендовали землю за Ардаттином⁵⁴, чтоб там лаванду растить.

– Ну давай, выпью кружечку. Но лучше чаю.

Все с ума посходили на кофе, даже кое-кто из пацанов на работе топит за настоящую кофемашину. А я вот больше по чаю.

Он поднимает со стола высокий серебряный чайник, показывает на ручку в виде змеи, крошечный носик – в виде губ.

– Из царицына приданого. Может, сам Распутин из этого чайника мочу свою пил.

– Приданого?

– А толку-то ему в итоге. У меня кофе в зернах, не хочешь попробовать? Венесуэльский.

– Не, все шик, мне чайный пакетик. “Лайонз”⁵⁵, если есть.

Усаживаюсь, гляжу на высокие деревья через улицу – дуб и бук. Хоть они всю тропинку расхерачили корнями своими, все ж от них идет приятный зеленый свет – и орава птиц

---

⁵³ Гэльская атлетическая ассоциация (*ирл. Cumann Lúthchleas Gael*, осн. 1884) – ирландская международная общественная организация, созданная для развития и продвижения гэльских видов спорта (хёрлинга, камоги, гэльского футбола и пр.) и ирландской культуры (музыки, танцев и пр.).

⁵⁴ Ардаттин – деревенька в 20 км к юго-западу от Карлоу.

⁵⁵ *Lyons* (1904) – торговая марка чая в Ирландии, принадлежит нидерландской компании “Экатерра”, одна из двух самых продаваемых марок чая наряду с *Barry’s Tea*.

поет. Там, где Мурт живет, боковая улочка петляет к реке. Все постройки здесь старые, в основном жилые, а между ними самая малость магазинных витрин. Сам Мурт сидит за стойкой справа от двери, вытаскивает ключи и починяет всякое кожаное. Тут некоторый беспорядок: полки с непарными туфлями и обрезками кожи, подвешены за пряжки ремни, напиханы сумки. Станки для обточки ключей занимают всю длину стены. Недавно он снес стенку гостиной и расширил мастерскую. Покамест смотрится немножко тят-ляп, но тут он теперь хранит всякую старину и подержанное.

– Глянь вот на это. – Мурт появляется с кружкой чая, показывает на множество всякой всячины на столе. Потемневшие металлические булавки и типа плоскогубцы какие-то, все ржавое. Беру что-то вроде рога, серовато-белое, примерно с мою ладонь, на толстом конце плоское и все целиком гладко отполированное.

– Больше тысячи лет. Выкопали в одном из первых поселений викингов в Ирландии.

– Как оно попало оттуда в “Барахлавку”?

Он качает головой из стороны в сторону, будто не может выбрать между “да” и “нет”, хотя вопрос у меня открытый.

– Много всякого прошло через мои руки, – говорит. – Это, может, себе оставляю. Мне нравится воображать какого-нибудь парня-викинга – как он в летний день отпиливает этот рог и размышляет о том, о чем им там приходилось размышлять. Может, о том же, что и мы: ужин, семья, сугрев, что

там за дальним холмом.

– Это среди Лениного добра нашлось? – спрашиваю и кладу рог на стол.

– Не, сам добыл. Лена с друзьями больше по части самовыражения. Украшают, а не восстанавливают. Старательные, и то ладно.

– Как она?

– Сейчас жуть какая накрученная насчет кое-каких моих дел. Лучше б о своем здоровье и настроении пеклась.

Из тенечка под Муртовым штендером выбредает Кристал, кладет лапы Мурту на коленку.

– Мисс мадам готова перекусить. – Перед тем как уйти в дом, отщипывает здоровенный кусок от своего пирожного и отдает кошке.

Та пожирает предложенное, то и дело бросая на меня подозрительные взгляды. Останавливается в дверях, трется о Везунчика – ростовую фигуру черного лабрадора. Когда-то стояла у старого почтового отделения с табличкой на шее: “Общество глухонемых мальчиков имени Святого Франциска”. Краска у пса на голове стерлась – дети клали монетки в щель у него на черепушке.

Мурт распевает – что-то о венесуэльском кофе и женщинах. Пока он там хлопочет, я задумываюсь о Венесуэле. Я, в общем, и на карте-то ее показать не смогу. Где-то рядом с Мексикой? А может, вообще в самом низу Южной Америки. Не важно. Тамошним тоже наверняка насрать, если б

весь Карлоу снесло ураганом или какой-нибудь псих тут всех повырезал бы. Мне кажется, что имеет для человека значение, а что нет, зависит только от того, где у него ноги стоят.

– Если найдешь свободное время, – кричит Мурт изнутри, – сейчас ремонтируют школу в Киллериге⁵⁶. Бригада Курранов делает. Несколько хороших столов пойдет на выброс, если мы не заберем. Лаком вскрыть – прилично продадутся.

Понятно, что ему охота подтянуть меня работать с ним. А я его все отодвигаю да отодвигаю. Лесопилка в самый раз. Я ждал, когда мне стукнет восемнадцать, чтоб посмотреть, укрепит ли во мне дар. Или, может, найдется какая-то конкретная болезнь по моей части – глазная или еще какая. И это даст мне опору. А может, ничего и до моих двадцати одного не случится. Или при всех выкрутасах в нашей семье вообще не судьба мне. Чтоб стряхнуть сомнения, пытаюсь представить себя в Венесуэле. Куда жарче там, чем тут, а кроме этого... нет, не могу вообразить, как оно было б. Или жить на Северном полюсе – это проще. Там было б иглу, Берни прихорашивался бы где-нибудь в уголке, Матерь в иглу к Сисси Эгар за свежими сплетнями ходила бы в снегоступах. Скок газовал бы у порога, пытался б вытащить меня на снежокатные гонки или еще какое баловство. А если б и Джун там оказалась? Может, маловато было б там всяких бедолажек, а потому она, может, работала б разъездным вра-

---

⁵⁶ Киллериг – деревенька в 10 км к востоку от Карлоу.

чом, если там такие есть. А я? Про себя ничего представить не могу. Хотя белизна вот эта общая мне нравится. Было б неплохо.

Из-за спины у меня доносится шепот.

– Не оборачивайся. Чего это он там?

Что за хрень. Я не заметил, а за деревом напротив какой-то мужик, кепка надвинута на лицо. Когда замечает, что я на него смотрю, чуток сдвигается.

– Это ж Старик Куолтер?

– Он самый, точно.

Все знают Ронана Куолтера, потому что он в церкви укладывается на пол и ползет по срединному проходу до самого алтаря. Семь дней в неделю он там перед работой, на пузе лицом в пол. Пришлось запретить ему появляться на причастиях и конфирмациях.

– Он сюда идет?

– А то, – говорю.

– Нахер его. Уноси в дом кофейник и брошки.

Как только дружок этот замечает мою суету, сразу прибавляет шаг. Я собираю все со стола и уношу в мастерскую.

Куолтер заходит.

Мурт выпрямляется, приглаживает волосы, заново стягивает хвост на затылке.

– Ботинки себе желаешь растянуть, Ронан? Я слышал, у Шо славные сандалии есть на лето. В детском отделе.

Кажется, Мурт попадает в точку: Куолтер тут же краснеет.

Гляжу на его ступни – те и впрямь крохотные. Чудо еще, что он равновесие удерживает, – это даже не ступни, а чуть ли не лапки.

– Та вот рекламная доска снаружи. Указатель. Тебе разрешение на него нужно, – говорит Куолтер и подбородок на Мурта наставляет. – Это жилой квартал. Тут люди на инвалидных креслах, коляски.

– Ну, – говорит Мурт, – Айлин Маккейб из шестнадцатого номера прокатилась тут в своем кресле с моторчиком, на пробу. Весь тротуар проехала без труда.

– Еще одна жалоба в совет, и у тебя будут неприятности. – По полной программе он себя накручивает. – Это использование не по назначению, никуда не денешься.

Мурт ни гу-гу.

Прежде чем уйти, дружок бросает на стойку конверт.

– Копия моего письма мистеру Лоури, инженеру графства.

– Что?

Куолтер встает в дверях, постукивает кулаком Везунчику по голове.

– У тебя разрешение есть?

– На что? – спрашивает Мурт.

– Чтоб собирать на благотворительность, нужна лицензия.

– Хрен тебе, а не лицензия, – говорит Мурт.

Ржу с них двоих, и Куолтер выметается.

Мурт отпивает кофе.

– Этот паршивец не успокоится, пока из Рождества всю радость не высосет. Зайди-ка на минутку.

– Что вообще происходит?

Он мне рассказывает, в чем беда: Куолтер переселился по соседству – унаследовал дом от своей тетки Силви Кирван. Нравилось ей пропустить после обеда стаканчик-другой – или третий – хереса, да и Мурт не возражал. Так вот, дружок этот убежден, что Мурт обобрал тетку Силви на какие-то старые семейные реликвии. Да и вообще Муртов общий фасон ему не нравится – Куолтер считает, что из-за Мурта весь квартал хуже смотрится.

– Он все старается подговорить местных против моей лавки. Меня из-за него распнут, он со своими жалобами из городского совета не вылезает.

Конечно, Мурт довольно-таки много себе позволил в смысле того, что превратил весь первый этаж своего дома в торговое предприятие. Он считает, что на дальнейшее лучше всего отремонтировать сарай на задах переулка и перебросить инструменты туда.

– Я б тогда мог плотнее сосредоточиться на антиквариате. Ключи и обувь, Фрэнк, – удобное прибыльное дельце.

Мы приходим в кухню, и я едва не забываю, что произошло только что. Тут форменный зоопарк – столько всего навалено на столе и стульях. Мать и близко не обрисовала положение. Первая фиговина, что оказывается у меня в руках, – голова от распятого Иисуса, которую они приделали

к Барби. А вот статуэтка Марии, на руках у ней младенец, весь покрытый искусственным мехом. Со всего – от святого Патрика до Падре Пия – сыплются перья и блески. По сравнению с этим добром Батёк-Божок смотрится вполне ничего.

– Блядский ужас. Колыбельку Иисуса ее в этом году украсить точно никто не попросит.

Вид у бедняги Мурта потерянный.

– И ты все это барахло собираешься в Волчью ночь продавать? – спрашиваю.

– Тупик у нас тут. Не хочу ей крылья подрезать. Но она ужасно нервная. Совсем как мать ее.

Мурт считает, что если выставить такое в витрину, положение он себе только ухудшит – вода на мельницу Куолтеру. Ключи и обувь еще ладно, однако полномасштабную антикварную лавку ему держать не разрешено – что уж говорить о фриковой художественной галерее.

– Есть же еще и те, кто верит в преступное богохульство, – Мурт такой.

Говорит, что мог бы обратиться за разрешением на перепланировку, обустроить лавку и мастерскую по всей форме. Денег у него на это хватит, но уйдет время.

– Я ж уже не молод. Надо либо все узаконивать, либо завязывать с этим. Конечно, толку никакого, если не найду, с кем это делать вместе, чтоб человек рано или поздно меня сменил.

– Может, Лена могла б этим заниматься?

– Да она не потянет. А вот у тебя глаз на это дело есть.

– Я в деловых вопросах не смыслю вообще.

– Быстро насобачишься.

Выбирает болванку для ключа со стенда, закрепляет в тисках. Готовые ключи вручает мне вместе со старым комплектом.

– Я вроде как слышал, Берни влип в какие-то неприятности?

Выкладываю ему о поездке Берни на “скорой”.

– Надо ему найти свою колею, – Мурт мне, катая в ладони древний рог, сжимая его, как кинжал. – Иногда ребенок осваивается в жизни совсем не сразу.

– Ты и половины не знаешь о том, что еще там Берни осваивает, – говорю. – Его мотает во все стороны.

У Мурта на комодке – поднос со старыми украшениями, он приносит его на кухонный стол. Принимается копаться в этой куче, вытаскивает одну штуку, откладывает в сторону.

– Похоже, он тебя достал.

– Ну, кому-то вечно приходится расхлебывать.

Мурт говорит, что в больнице оказался Берни, а не я. Ответственным за благополучие Берни меня никто не назначал. Предлагает мне вместо этого о себе и своем раскладе подумать.

Почему всё на меня сваливают, будто дело во мне? Я ничего никому говорить не собирался, но из меня оно прет. Выдаю Мурту кое-что из того, что Берни мне сказал в боль-

нице.

Мурт слушает, попивая кофе. Но то, что он от меня слышит, его вроде как не потрясает.

– Хорошо, что Берни смог тебе довериться, – говорит Мурт, а сам пьет себе дальше.

Я не уверен, что он ухватывает всю картину: Берни толкует о том, чтобы изменить себя физически, жить другим человеком. Или тем же человеком, но в совершенно другой версии – в смысле, не быть больше парнем.

– Как Матери со всем этим потом быть? – говорю. – Он же может где угодно в городе появиться. В магазинах, в пабах. Вообще где угодно. В “Теско”, у Моррисси, в собесе. Не просто наряженным. Он собирается все изменить. Внешний вид, волосы. Вот прямо все.

– Ну, я б насчет нее так не переживал. Твой отец справлялся, – говорит Мурт, а сам подносит к свету здоровенный зеленый кулон. – Значит, и она справится.

Мне требуется минута, чтобы до меня дошли его слова.

– Батя?

Мурт молчит.

– Думаешь, он знал?

– Я знаю, что знал. Твой отец видал каких угодно людей так или иначе. Берни – не первая женщина, какая телом ошиблась. Такое бывает.

– А Мать что же? Она знает?

Мурт не спешит с ответом, кладет ожерелье в отдельную

коробочку.

– Вряд ли. Билли хотел, чтобы Берни сам ей сказал, когда сочтет нужным. Я не считал, что после того, как вашего отца не стало, я имею право заводить с ней этот разговор. Это Берни решать, когда таким делиться.

– А сам ты что про это думаешь?

– Сдается мне, тяжелая у него впереди дорога, как бы он к ней ни подступился. Усугублять не хочу.

Уму непостижимо. Батя, стало быть, знал. Уж он-то догадался бы. Мурт даже намекает, что Батя принял Берни. Если вдуматься, оно, конечно, так и есть – принял. Берни ж непогрешимый.

Лицо у меня, должно быть, сделалось то еще, потому что Мурт протягивает руку, хлопает меня по плечу.

– Твой отец видел в тебе большой талант ладить с людьми, – говорит. – Он знал, что у тебя хорошие руки. Хорошее сердце. Это главное.

Такое огрести – та еще гадость. Потому что это значит, что он мог подумать, будто я не всамделишный седьмой сын. Не в том прямом смысле, в каком Батя был, а за ним их отец и так далее в прошлое до бесконечности. Немудрено, что он вечно старался избегать моих вопросов, всякие отговорки находил, чтоб меня отвести, когда людей лечил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.